

**ХАРИТОН
МАМБУРИН**

IV

**ВОИН
В ОСАДЕ**

Харитон Мамбурин
Воин в осаде. Книга четвертая
Серия «Добрым демоном
и револьвером», книга 4

*<https://litres.ru/70371835>
SelfPub; 2024*

Аннотация

Приключения в Японии оставили на теле и душе Алистера Эмберхарта множество шрамов, но юноша, не достигший еще и семнадцати лет, продолжает двигаться вперед. Императорская династия прекратила свое существование, на острова Восходящего Солнца идёт вторжение с материка, аристократы начинают грызню, а север островов терроризирует слетевший с катушек Герой.

Что же делать лорду Алистеру Эмберхарту во времена, когда вокруг его нового домена заваривается такая каша? Много чего. Необходимо разобраться с проблемами, растущими как грибы, как вокруг него, так и внутри. Разными, срочными, частными и глобальными.

А он это умеет делать лишь одним единственным способом...

Харитон Мамбурин

Воин в осаде.

Книга четвертая

Пролог

Колоссальный зал с сотнями поддерживающих светящийся свод колонн был заполнен до отказа. Величина помещения, как и высота потолков, выходила за все пределы и возможности лучших архитекторов того времени. Красота и изящество фресок, украшающих стены, могла заставить любого артиста навеки отбросить свой резец, а золотые письмена, которыми была расписана каждая из колонн белого камня, демонстрировали знания, превышающие достижения любого из смертных философов, мудрецов и магов.

Но, всё это ни в малейшей степени не волновало ни одного из тех, кто заполнил своими телами огромное пространство зала, ни того, кто восседал на троне, вознесенном над этой толпой.

Фигуры самых разных пропорций и внешнего вида забили зал, стоя, сидя и лёжа везде, от пирамидального подножия трона, до закрытых дверей, высотой в двенадцать чело-

веческих ростов. Они были самых разных обличий, форм и цветов. Некоторые могли бы достать человеку лишь до колена, некоторые – огромным длинным драконом разлеглись почти на всю ширину зала, позволяя сотнями других существ сидеть у себя на спине. Самые разных обличий, цветов, размеров, с разным количеством конечностей и даже голов, существности были заняты лишь одним делом.

Они молча смотрели на возвышающийся над ними трон.

Сидящий на нем ничем внешне не отличался от человека просто потому, что был именно им и никем более. Высокий, атлетичный, с идеально прямой осанкой, крупным бритым черепом, на котором возлежала узкая диадема из серебристого металла, он без всякого выражения смотрел на заполонившую его зал... массу. Орлиный нос был чуть опущен, полные губы поджаты, а кисти рук, лежащие на подлокотниках трона, едва-едва напряжены. Но из-за чего?

Наконец, его губы раскрылись, выталкивая из горла слово, донесшееся до всех в зале.

«ПАРАЗИТЫ»

– Смертный! – издал негодующий крик слегка светящийся мужчина в допотопной броне, стоящий у самого подно-

жия пирамиды. Сжав кулаки, он задрал гневное красивое лицо, храбро уставившись на хозяина трона, – Не забывайся! Мы пришли догово...

...и он исчез. Без вспышки, без хлопка воздуха, без каких-либо спецэффектов. Увидеть то, что с ним произошло, вся немыслимая толпа, собравшаяся в зале, не могла никоим образом, но зато они могли *почувствовать*. Тишина стала воистину мертвой, жадно вбирающей следующие слова сидящего на троне.

– Этот наглец сейчас... в Пустоте. Вопит от ужаса. Не думал, что вы можете пасть так низко. Он же был богом войны? Видели бы вы его сейчас... рыдающего, молящего, растворяющегося в небытие. Это же для вас всех самое страшное, да?

Мужчина был прав. Для всех присутствующих в зале такая смерть была наихудшим окончанием существования. Тревога, оторопь, страх, предчувствие – все эти эмоции смешались в толпе ужасом.

– Вы, – продолжил он лениво, оглядывая существ в зале, – Дезертиры, ставшие паразитами. Проникшие в этот мир, собравшиеся в одну большую язву на его теле. Твари из других миров. Проигравшие, проклятые, увядшие. Пришли? Приползли, отпихивая друг друга локтями от того ручейка эффи-

ра, что я вам оставил! Вы здесь не для переговоров, а для того, чтобы услышать мою волю!

– Открой проход назад, и мы уйдем! – грозно прогудел почти обнаженный лысый гигант трех метров ростом. Его глаза сияли нестерпимым светом, а фигура дышала первобытной дикарской мощью.

Фокус с исчезновением повторился. Сильнейший среди всех находящихся в зале ушел в Пустоту, не успев даже моргнуть своими ослепляющими глазами.

– Мне на самом деле нужно это сказать вслух? – чуть повеселевшим тоном заключил мужчина на троне, слегка наклоняя голову набок, – Что вы должны выслушать мою волю *молча*, если же не хотите оказаться в Пустоте? Вы всего лишь сгустки искривленного и получившего самосознание эфира, а я – его Узурпатор! Почувствуйте разницу!!

Незримое давление обрушилось на головы тысяч существ внезапно и неумолимо, как будто сам свод зала рухнул им на головы! Невидимая сила вынудила всех и каждого распластаться по мраморным плитам зала, придавила, вынуждая сдавленно выпускать воздух из разверстых ртов, пастей и глоток, страдая от боли в медленно сплющиваемом теле!

Всех ли? Нет.

В самом дальнем углу на ногах остались трое. Двое крепких человекоподобных здоровяков, одетых лишь в сандалии и длинные набедренные повязки, держались, вцепившись кончиками пальцев в фрески стен. Свободными руками они поддерживали за подмышки стоящего перед ними мужчину куда меньших размеров, заросшего, волосатого, с вздыбленной шевелюрой - русо-коричневого цвета. Сам поддерживаемый хватался двумя руками за стоящий перед ним посох, сделанный из золотистого металла, всеми силами удерживая себя в вертикальном положении. Вся троица, оскалившая немалых размеров клыки, стояла на ногах, не сводя с человека на троне глаз. В их взглядах был... нет, не вызов, но неистребимое желание остаться стоять. Воздействие выдавливало из них то, что заменяет таким существам жизненную силу, травмировало и сгибало, но троица не поддалась даже тогда, когда вздёрнувший бровь человек удвоил буйствующее в зале воздействие, тем самым убив с полторы сотни совсем слабых созданий.

Затем давление ушло, оставляя лежать на полу изнеможенные и сломанные тела из плоти, крови, эфира и псевдоматерии.

– Открыть проход назад, чтобы вы... ушли, – вновь рас-

катился под сводами звучный голос мужчины, – Ушли, тем самым обрекая миллионы людей на смерть от Бурь. Тех самых, за чей счет вы жили, тех самых, из которых набирали ненужную вам паству. Ну нет. Вы останетесь тут!

Мужчина, назвавший себя Узурпатором, поднялся с трона, складывая руки на груди. Внимание всего зала было приковано к нему несмотря на то, что всех их сейчас мучала боль. Каждая из присутствующих сущностей в свое время покинула родной мир, у каждой были свои обстоятельства. Этот, новый, казался им неисчерпаемым источником силы, гарантией, что они просуществуют эоны без нужды в человеческом поклонении и жертвах. Здесь они могли быть независимы от жалких смертных, не должны были тратить накопленные силы на поддержание веры, могли существовать, питаясь эфиром! Они уже почти организовались в армию, которая подомнет всех смертных под себя! Всю планету! Остались считанные месяцы!

Но у эфира, оказывается, был хозяин. Обычный человек, овладевший знанием как подчинить потоки энергии, овевающие этот мир, своей воле. А сейчас он подчинял своей воле их, ведь нет ничего, что страшило бы божество больше, чем одинокое растворение в Пустоте.

– Я изменю частоту и качество энергии в каждом из вас,

– тем временем разносился вокруг равнодушный голос человека, подчиняющего себе бывших богов, – С этого момента вы не сможете получать выгоду от пожирания друг друга, станете, наконец-то, выше животных. А затем... затем вы вернетесь в ту язву, что устроили на теле этого мира, слишком лестно названную Небесами! Вернетесь... и никогда более не покинете! Я придаю вашему существованию смысл – защищать планету от других жалких и жадных тварей подобных вам, что неминуемо просочатся на нее в будущем! Вы, сборище мелких хищников, станете цепными псами, охраняющими мир от мерзости покрупнее!

Всем без исключения было понятно, о чем говорит Узурпатор Эфира. Он, закрывший этих беглых божеств в своем мире, вновь заставлял их согнуться под властью и волей человека. Служить смертному жалкому созданию, ничего не успевающему за ничтожный миг своей жизни. Нищему духом, слабому, глупому... и бесконечно богатому Искрой Творца. Но если в других мирах им возносили мольбы, то здесь и сейчас – предрекали новую судьбу. Более того, обещали *изменить* их самих, дабы цепные псы не рвали друг друга за клочки силы, чем многие из них промышляли ранее.

Особенно те двое, извергнутые Мериттом в Пустоту.

Нельзя сказать, что хоть один из молча слушающих сло-

ва человека был доволен тем, что слышит, но каждый из них выдохнул с облегчением в глубине собственного разума. Больше они не будут смотреть друг на друга, как на средство к усилению, больше не будут мечтать о том, как сами всех сожрут, став единственной божественной сущностью на всю планету. Те сильнейшие, что поглотили больше всего своих собратьев, сейчас агонизировали в Пустоте между мирами, как выброшенный мусор.

С точки зрения единственного в зале человека – они им и являлись.

– Я знаю, о чем вы думаете, – насмешка мага наполнила зал, – Шебадд Меритт смертен! Стоит лишь подождать! ДА! Я горд тем, что жил и умру человеком, в отличие от вас, созданные из бреда, слабости и пустых надежд моих собратьев из других миров! Но вы... вы пребудете на своей службе вечно, пока в этом мире живут люди! Если же вы сделаете хоть один шаг за границы Небес, если же попытаете дотянуться до свободных от вашего влияния, если посмеете думать о том, чтобы уйти со своего поста – знайте! Я вернусь! Вы познаете судьбу страшнее растворения в Пустоте!

Сказав последнее, мужчина развернулся и неторопливо вышел из зала. Скованные его волей створки колоссальных ворот раскрылись, а отпущенный эфир закружился вокруг

фигур богов, еще несколько часов назад считавших себя хозяевами мира. И они бежали... бежали в панике, надеясь укрыться в своих убежищах на Небесах, созданной их коллективом обители, нависающей над Индокитаем этого мира. Там, в тишине и покое своих дворцов и храмов, боги давали себе волю, изрыгая бессильную хулу на имя того, кто в очередной раз отнял у них свободу.

Сам же Шебадд Меритт, самый могущественный волшебник на планете, прозванный Узурпатором Эфира, размахисто шагал в недрах своего дворца по направлению к личным покоем.

– Талтагма! – на ходу отрывисто проговорил он.

– Слушаю вас, господин, – за спиной волшебника возникло нечто непроницаемо-черное, быстро принимающее гуманоидное обличие.

– Меня заинтересовали те трое.

– Что вам угодно о них узнать?

– Имена. Остальное... то, что важно, я увидел своими глазами.

– Райдзин и Фудзин, они братья, господин. Довольно прямые и простоватые, если мне позволено высказать собственное мнение.

– Подойдут. А третий?

– Сунь Укун. Он...

– Я же сказал, достаточно. Лишь имена. Хочу переговорить с ними тремя. Сегодня.

– Будет исполнено.

Несколько шагов мужчины прошли в молчании, а потом Шебадд слегка раздраженно спросил:

– Ты еще здесь?

– Да, мой господин. Хочу напомнить вам, что мне была обещана небольшая награда за...

– Я помню, за что и сдержу свое слово. Чего ты желаешь, Талтагма?

– Помогите мне сменить имя, господин.

– Если таково твое желание... хорошо. И как же ты хочешь зваться, мой верный слуга?

– У меня на примете есть одно замечательное имя. Д...

Голоса обоих заглушила закрывшаяся дверь. В коридоре колоссального дворца, расположенного в центре континента Австралия, воцарилась тишина. Еще одно дело Узурпатора Эфира кануло в мглу веков неузнанным для смертных этого мира, избежавших участи вечного рабства под властью богов.

Глава 1

*4 сентября 3284 года от смерти Шебадда Меритта,
Узурпатора Эфира*

Звонкий женский визг разорвал утреннюю тишину, заглушив металлическим эхом по всей относительно пустой «требухе» гигантского дирижабля. Сидящая рядом со мной Рейко тут же испуганно подпрыгнула на стуле, завертев головой, но вот остальные, сидевшие за столом, отнеслись к звуку индифферентно, продолжая неспешно насыщаться. Отпив чаю, я с сомнением покосился на остатки омлета, лежащие передо мной на тарелке, отвергнув их в пользу «эксельсиора». Чиркнула спичка, поджигая кончик табачной палоч-

ки, глубокая затыжка, выдох... Дым тонкой струйкой уносится в вентиляционное отверстие, повинаясь моей воле.

Прекрасное тихое утро последнего дня воздушного путешествия.

– Ариста!! – моя компактная, но чрезмерно энергичная жена выдержала лишь двадцать три секунды тишины после того, как отзвучал вопль, – Ты чего сидишь?!! Ты разве не слышал?!

– Слышал, – слегка меланхолично покивал я, продолжая курить и досадовать по поводу отсутствующей здесь и сейчас газеты со свежими новостями.

– И?! – в голосе Рейко, бывшей Иеками, сквозило дистиллированное возмущение, – Ииии?!

– Ммм? – поднял я одну бровь, – Мы что-то должны делать?

– Там – кричали! – поведала мне коротышка с горящими нездоровым энтузиазмом глазами.

– Я никому не запрещал издавать громкие звуки, – пожал плечами я, выслушивая требовательный «кар» откуда-то

сверху. Короткий мысленный посыл, после которого ко мне на колени с шуршанием спрыгивает огромная черная птица, в мгновение ока сметающая омлет, хлеб и четыре полоски бекона. Издав благодарное карканье, мой фамилляр вновь исчезает, чтобы устроиться где-нибудь повыше и потемнее.

– Мы должны узнать, что случилось! – потребовала жена, нетерпеливо взясь за стул.

Оставалось лишь вздохнуть. Конечно, я мог ей рассказать, что с двигателями «Клаузера» все в полном порядке, матросы на вахтах, а капитан спокоен как слон, мог бы добавить, что все важные на борту разумные сейчас сидят именно за этим самым столом, но любопытство определенно родилось вперед Рейко. Она не даст мне спокойной жизни, если мы продолжим чинно завтракать, а ведь сегодня последний спокойный день перед такой прорвой дел, что я себя трижды ловил на мысли устроить воздушному колоссу крушение. Да и для меня это путешествие – желанная передышка, а вот для пышущего энергией клубка энтузиазма по имени Рейко – самая настоящая пытка.

...иногда я испуганно думал о том, что женился на карликовом хаски.

– Идемте проверим, – вздохнул я, вставая. Камилла и Эд-

на, мои бессменные горничные, тут же оказались у меня за спиной. Для молчаливых блондинок-близняшек на завтраке не было ничего, стоившего внимания. Диаметрально противоположная реакция была у Гэндзи Момо – миниатюрная девушка с двумя парами ушей, человеческой и кошачьей, тут же попыталась притвориться мертвой и незаметной одновременно, но я никак не мог позволить, чтобы моя ленивая телохранительница страдала меньше меня.

Гуляют все!

Поиск и обыск не потребовался. Все как один матросы твердили, что крик раздался из отделения нижнего трюма, в который не грузили ничего важного. Парочка парней, которым я приказал следовать за собой, помявшись, доложили, что за время путешествия члены команды несколько раз пытались посетить это отделение, но сбегали из-за жуткого злого шипения, сопровождаемого гулками проклятиями на неизвестном им языке.

– Мы, ваше сиятельство, подумали и решили, что это вы, наверное, туда какую-то злючую диковину заселили, – добавил к рассказу один из матросов, – Вон на палубе-то мужик живет здоровенный, вот мы и того...

Разумно, хоть и не совсем верно. Кем могло быть издав-

шее тот леденящий душу вопль существо, я знал, точнее, просто был уверен. Но не совсем понимал, что именно могло заставить Регину Праудмур, неустрашимого бойца-инквизитора, издать такой звук. Хотя нужно отдать должное матросу, отчаянно рыжей и мелкой Регине эпитет «злючая диковина» подходил просто идеально.

Перед лестницей, ведущей вниз, я остановился, мягко подталкивая в спину шедшую позади меня Момо. Та, сделав непонимающие и чрезвычайно невинные глаза, задрала голову, уставившись мне в лицо. Мол, что хотел?

– Первой в помещение запускают кошку, – пояснил я свою жестикуляцию, заодно тормозя освободившейся рукой рвущуюся в бой Рейко.

Изобразив мимикой всё, что она думает насчет тирана, эксплуататора и негодяя, Момо начала спускаться в трюм. Выждав несколько секунд, я возглавил остальной разведотряд, следуя по ее стопам. А что делать? Из-за последних событий в моем организме буквально не осталось живого места. Что не отбили и не прорезали, то надорвали, надкусили, расцарапали и растянули. Даже передовые алхимия и медицина этого мира оказалась бессильна против того количества травм, что нахватали мое тело и душа. Ну, как бессильны? Восстанавливался я с чудовищной скоростью, по мнению су-

дового врача, но до момента, когда буду здоров, было еще далеко.

Регина Праудмур, лейтенант Первой Армии Ватикана, полтора метра и 38 килограмм боевой ярости и безбашенности, вызвавшая, возглавившая и успешно выжившая в «Токийском истреблении чудовищ», сидела с на тюках с какой-то ветошью, громко икая с периодичностью метронома. Широко раскрытые голубые глаза девушки неотрывно смотрели на нечто, скрытое в тенях. Так человек, стоящий на пороге собственной жизни, мог бы смотреть на Бездну...

Только вот эта конкретная бездна пялилась на девушку в ответ, причем весьма смущенными... взглядами.

Я испытал короткий, быстрый, но очень бурный внутренний конфликт. В этом мире с самого детства меня воспитывали как английского аристократа – расчетливого, прагматичного, вежливого, но абсолютно авторитарного и скорого на расправу. Иные в местном Лондоне и не выживают, учитывая весьма жесткое табу, распространяемое на огнестрельное оружие для именитых, которые могут использовать либо ружья со скользящим затвором, либо револьверы. И то и другое средство самозащиты предполагает долгую и мучительную практику для оттачивания мастерства применения оружия. Проще говоря, вместо молока матери я впитал жиз-

ненную необходимость стрелять первым в любую потенциально опасную цель.

А вот давно и надежно приглушенная память из первой жизни... мира, где история развивалась совсем по другому пути, где не было эфира, магии, божеств, нечеловеческих рас, иномировых сущностей и иных планов бытия, она меня бы тормозила, заставляя обдумывать поступки, упуская безжалостно уходящие доли секунд. Скорее всего, не отвергни я свой старый образ мыслей, то давно уже был бы мертв. Но сегодня и сейчас, после двух недель расслабленного отдыха в приятной компании, землянин, знакомый с смартфонами, интернетом и миром, в котором крысы размером с треть кошки, поднял голову... спасая день. На краткий момент веское «нельзя» старой памяти оказалось быстрее и сильнее отточенной реакции английского рыцаря.

Поэтому, моя рука даже не дернулась к оружию, когда я разворачивался к двум отдаленно знакомым мне личностям, неведь какими путями судьбы оказавшихся на «Клаузере».

– Какая встреча... – медленно протянул я, под удивленные звуки Рейко и настороженный шелест вынимаемой из ножен стали, идущий от моих горничных и Момо.

– Кхе-кхе, – смущенно прокашлял тщедушный лысоватый

старичок, закутанный в одеяло поверх теплого кимоно. Он скосил глаза на продолжающую икать Регину, а потом бочком отошел в сторону, сделав вид, что он предмет мебели.

– Неудачно получилось, – с сожалением проговорил второй вторженец, чье дымчато-серое тело, лежащее на полу, было соразмерно слоновьему. Хвост, толщиной с два моих бедра, аккуратно двинулся, пряча доску го под пушистую кошачью задницу.

– Ик! – внесла болезненно-звонкую лепту продолжающая частично игнорировать реальность инквизитор.

– Дзюбей, он же Соранеко-но-ками, божественный хранитель Соранеко-но-дзинджа города Токио, – представил я Момо здорового кота, следом добавив, – А это Кавагура Джиро-доно, его верховный жрец.

Импульс немедленно расстрелять «зайцев» у меня уже ушел, растворившись в любопытстве. Дзюбей соединил наши с Рейко судьбы старым ритуалом прямого божественного бракосочетания, а также являлся крайне слабым богом, от которого зла ожидать не приходилось. Тем более, вне его территории. Совсем другой вопрос – какого лешего на моем корабле при переезде оказался идзигами со своим престарелым жрецом?

– В Камикочи живет множество Иных, юный самурай, – мяукнул божественный дух, – Я послан тебе в поддержку, для решения... сложных вопросов с ними. Никто из наших не хочет, чтобы ты там устроил кровавую баню.

– Допустим, – внутренне я одновременно поморщился и испытал облегчение. Пожалованные императором Таканобу земли в виде длинной и узкой долины, заросшей лесами, действительно славились смешанным населением. В обычных обстоятельствах, мне было бы глубоко плевать на тех, кто там проживает – в домене Древнего рода безраздельным хозяином был его глава, а мы редко нуждаемся в подданных. Но у меня ситуация была совершенно особой, поэтому придётся играть роль обычного феодала. В любом случае, такую поддержку сложно переоценить. Еще раз с благодарностью подумав об вновь «уснувшем» землянине 21-го века, я поинтересовался у «зайцев», – А почему вы, уважаемые, украдкой пробрались и ехали?

– Смертный, ну я же все-таки бог, – почти укоризненно взглянул в ответ Дзюбей, – Я что, должен был *просить* тебя взять на борт Джиро и мой алтарь? А так... одарял незримо своим присутствием... просто силы кончились чуть раньше, чем мы надеялись...

Действительно, как иначе-то? Приказать нельзя, попросить неуместно, оповестить? Нагло.

– Вы... – тихо, но очень истерично дала о себе знать ранее «выключенная» Регина, – ...тут были всё время?

– Да, внученька, – щербато улыбнулся рыжей выглянувший из-за кота Кавагура. Доброй, очень доброй улыбкой. Прищулив глаза, старый жрец добавил, – Мы это место первые заняли.

Воцарилась мертвая тишина, вскорости нарушенная одним единственным звуком. Гулко прозвучавшим об металл корпуса дирижабля гнусным и злорадным девчачьим смешком. Автором сегодня nepотpeбствa была никто иная как Момо. После этого прорвало уже лейтенанта Праудмур.

– Ыыыы... – залилась рыжая слезами, падая лицом об мешки, – Они всё видели! Всюююююю!!!

Старый жрец сложил перед собой руки, коротко кланяясь инквизиторше со словами благодарности за угощение. Момо вновь хихикнула. Истерика Регины набирала обороты. Ну да, в течение двух недель лететь в трюме, понятия не имея, что ты тут не одна...

– Ариста... – очень мрачный голос жены прорвался ко мне сквозь женские вопли. Рейко стояла неподалеку от рыдающего лейтенанта, держа в руках помятый, истерзанный, но легко опознанный мной мешок со знаком «медицина». Его мы собирали с Рейко вместе, готовясь к переезду и его же мы искали... все две недели полёта. Разумеется, не в трюме, так как число отсеков, отведенных капитаном под наш скарб, было вполне определенным.

– Сейчас мы с ней ничего делать не будем, – попытался сдержать я жажду крови в голосе, – Потом, милая. Когда придумаем.

– Угу.

Несмотря на то, что мы с Рейко были женаты уже как бы не два месяца, с первой брачной ночью у нас не ладилось настолько, что эта история вполне могла претендовать на звание трагикомичной. То похищение, то... более цивилизованное похищение, то я слишком изранен, то срочный вызов... в общем, когда мы, взойдя на «Клаузер», обнаружили пропажу именно этого мешка с контрацептивами, сил на возмущение уже не оставалось.

– Эмберхарт-сама! – раздался крик сверху, – Вас срочно вызывает капитан! Важные новости!

С взаимной надеждой, что новости будут короткими, позволив оставшееся время как следует изучить мешок, мы с Рейко поспешили на мостик «Клаузера».

Сообщенные же капитаном новости одним махом вышибли из меня всё фривольное настроение.

Император мертв. Не один, прервалась вся правящая династия. Сухие строчки доклада проливали свет на происшедшее – остановка сердца правителя, смерть наследника от рук Таканаши Кея, удачное покушение неизвестных лиц на супругу Таканобу Кейджи и трех его не достигших зрелости детей. Исаму Таканобу, младший брат императора, сосланный им на Окинаву, убит в ходе штурма его поместья... китайцами.

Вторжение.

Сам капитан, передающий нам с Рейко сведения с зашифрованных листов, выглядел так, как будто сам не мог поверить в то, что читает. Вторжение! История этого мира ранее пестрела войнами и катаклизмами, но последние три сотни лет мир был стабилен и прочен. До этого момента.

– Официальные власти Индокитая отрицают участие их

сил в происходящем на Окинаве, – играя желваками вещал нам немолодой мужчина с военной выправкой, – «Преступная группировка», как они называли высаживающиеся отряды в *десятки тысяч*, не имеет никакого отношения к Воле Небес. В качестве жеста доброй воли, Поднебесная готова принять комиссии от стран Европы, предоставив им открытый доступ к архивам военной переписи страны.

– Что с Окинавой? – хрипло и с трудом выдавила из себя Рейко, смотря на капитана, – Освальдсон-сан, что с Окинавой?

– Можно сказать, что её больше нет, Эмберхарт-сан, – опустил плечи военный, – Воздушная разведка доложила, что местных просто вырезают. Методично, на месте, всех. Это истребление. Войска вторжения обустривают плацдарм – быстро, эффективно, профессионально.

Третья новость едва удержала меня на ногах. Союзный флот мировых армий, шедший в Японии по вызову Ватикана... исчез. Пропал без вести. Техника, люди, СЭД-ы, а вместе с ними две трети межконтинентальников мира. Катастрофа, от попыток осознания которой голова идёт кругом.

Все, что вчера было незыблемой нормой, сегодня встало с ног на голову.

Из всех этих сокрушительных известий лишь одно оказалось с претензией на хорошую новость. Силы инквизиции молниеносно среагировали на изменившуюся политическую картину страны, буквально в течение трех суток. Сегодня, здесь и сейчас, заканчивалась первая неделя нового правления в истории Японии. Руководство над империей во всей своей полноте взял новообразованный военный сёгунат, возглавляемый тай-сёгуном Итагаки Цуцуми, моим бывшим командиром.

Валахский трон, подаренный мне одним благодарным дальним родственником, уверенно становился любимым местом для размышлений. Правда сейчас, в темноте грузового отсека дирижабля, он вовсе не напоминал кресло правителя – Рейко с девочками обставила высокий черный стул другими экземплярами мебели для сидения. Закурив, я прикрыл глаза, отдавшись напряженным размышлениям.

– Ариста, что мы будем делать? – задала сакраментальный вопрос моя жена, забравшаяся с ногами на другое кресло.

– Жить, – сухо ответил я, – Устраиваться на новом месте, вникать в ситуацию. Готовиться к переменам... укреплять оборону.

– И всё?

Несколько минут я молча рассматривал Рейко. Красивая она у меня, умная... когда сама того захочет. Более того, теперь после того, как мы провели вместе две недели за разговорами и отдыхом, она куда больше знала о Древних родах и подоплеке происходивших с нами событий. Однако, знать это одно, а вот выстроить правильную цепочку взаимосвязей – совсем другое.

– Рейко, милая, – мягко проговорил я, – Ты, может быть, еще не совсем поняла, но время, когда я мог войти к императору в любое время суток по первому требованию... прошло. Договор между Англией и Японией закрыт, выполнены все условия. Теперь моё влияние и возможности немногим превышают возможности обычного шестнадцатилетнего молодого человека. Всё, что у нас с тобой есть, это мы, Эдна с Камиллой, Момо и Гримм. А также немного барахла, денег, один автоматрон и конфирмация *мёртвого императора* на переход долины Камикочи в вечное владение. Понимаешь?

– Думаешь, местные не примут твою власть? – подняла брови коротышка, пребывающая в «серьезном режиме».

– Не думаю, – покачал я головой, прикуривая от черной свечи, стоящей рядом с троном на столике, – Уверен.

– Так у долины очень давно нет прямого владельца! Я начала её историю! – всплеснула руками девушка, непонимающе трясая головой, – Кроме того, мы не имеем права приказывать подданным императора!

– Легального владельца, Рейко, – безмятежно ответил я, – На Руси, откуда наш друг Распутин, есть пословица: «Свято место пусто не бывает». Так что у нас с тобой будет по уши проблем и без великих потрясений и целей. С распростертыми объятиями нас никто не примет.

Камикочи, узкая горная долина с тремя перевалами. Одна река, три хабитата, один город-крепость Хагонэ в качестве местечковой столицы. Место, забытое временем, котёл, в котором все ингредиенты варились в течение веков. Нет ценных ресурсов, нет чего-либо интересного, кроме высокой концентрации Иных, предпочитающих такие тихие уголки, а также какого-то несуразного количества горных обезьян, оккупировавших западную внутреннюю часть скал долины. Одна железнодорожная нитка, идущая вглубь страны. Идеальное место для домена Древнего... если выгнать из него всю разумную жизнь, что не представляется возможным.

Вообще, будь моя воля и право, то я бы с удовольствием иммигрировал в какую-нибудь другую дыру этого мира, бла-

го что для обладателя одного из особых зеркал это совсем не проблема. Только вот, как всегда, есть множество «но», прямо или косвенно запрещающих мне это сделать, многократно друг друга перекрывающих. Мне и Рейко придётся выполнять данное нам покойным императором поручение, пока Итагаки Цуцуми не объявит иного.

– Мы не справимся, – твердо сказал я, глядя в комично расширяющиеся глаза жены. Подождав, пока изумление достигнет у Рейко пика, продолжил, – Если будем действовать так, как раньше, то не справимся. Здесь и сейчас мы с тобой должны принять решение, как действовать. И оно будет таким...

– Эй! – тут же подскочила на подушках кресла коротышка, – Это как?! «Мы» решение принимаем, но ты уже его озвучиваешь?! Нечестно!

– Придумаешь лучше – сделаем по-твоему, – щедро пообещал я, тут же закручивая интригу, – Но спорю, что когда ты услышишь, что я имею в виду, то полезешь целоваться и обниматься.

– Это я в любом случае сделаю, – слегка сварливо ответила супруга, не сводя с меня настороженного взгляда, – Но все равно, ты нечестно... сформулировал!

– В вашей стране принято, что жена занимается домашним хозяйством, так? – резко перешел я к сути дела. Вопрос вызвал у Рейко моментальную смену настроения – она по-мрачнела, насупилась, затем нехотя кивнула.

– Да, – тон коротышки буквально выцвел, она выталкивала из себя слово за словом, – В любой знатной семье муж занимается делами и войнами, а жена особняком и детьми.

Девушка продолжала мрачнеть. Она уже продолжительное время готовилась стать главой рода, ради чего работала и училась днем и ночью. Потом, из-за нескольких допущенных ошибок, решила, что будет правильнее, если я женюсь на ней вместо того, чтобы стать регентом Иеками. Так и случилось. Темы распределения обязанностей мы избегали все недели полета, вообще стараясь не поднимать напрягающих вопросов, а тут раз, внезапно, и прорезалось. Разумеется, что её радикально не устраивало положение «обычной» жены, но сказанное сгоряча слово, а затем и свадьба под волосатой лапой бога, поставили чугунную точку над любыми возможными подвижками. Сейчас Рейко преисполнилась подозрениями, тотчас забыв о всех других новостях. Император, китайцы и прочая фигня вылетели у нее из головы.

Встав, я сделал десяток шагов в угол полузабитого склада,

извлекая оттуда столик на колесах, на котором была расстелена карта Камикочи. Его я и установил между нашими креслами, взяв в руки карандаш. Аккуратно обвел жирной линией всю внутреннюю часть долины, оставив снаружи лишь нитки перевалов, да один из самых густых лесов. Супруга молча наблюдала за моими манипуляциями с поджатыми губами и тревогой на лице.

– Вот это, – постучал я карандашом по обведенной территории, – Наш дом. Им будешь заниматься ты.

Наверное, мне никогда в жизни не приесться смотреть на живую мимику Рейко. На этой круглой мордашке можно было прочесть весь мыслительный процесс осознания и обработки информации. Иногда он был мучительный, иногда чересчур серьезный, но вот сейчас... Наблюдать за тем, как серые глазки коротышки вновь пытаются нарушить законы анатомии было редкостным удовольствием, от чего я даже начал улыбаться.

– Что? Кто? Как?! – зафырчала, ерзая, Рейко, – Ты... погоди... что?! Как?! Почему?!

– Всё просто, госпожа Эмберхарт, – скучным кислым тоном произнес я, – Мы вдвоем просто не справимся со всем объемом предполагаемой работы. У нас лишь три месяца,

чтобы установить свою власть, параллельно готовя Хагонэ к приёму 11-и тысяч наших одноклассников и сверстников, учившихся ранее на Гаккошимае. Не стоит забывать про преподавательский состав с семьями и целый клан кицуне, который приведет сюда Ирукаи Сай. Ни Алистер Эмберхарт, ни Рейко Эмберхарт не справятся с таким объемом работ. У нас, несмотря на поддержку Соранеко, нет авторитета, нет солдат, нет ничего, чем мы можем подкрепить собственную власть. Кроме одного.

– Чего именно?! – рывкнула выведенная из равновесия жена, потрескивая разрядами электричества.

– Авторитарный беспредел Иеками, – улыбнулся я, глядя в преисполняющиеся пониманием глаза любимой женщины,
– Там, где не справимся мы, великолепно подойдешь ты.

Глава 2

Когда-то, четыре сотни лет назад, Хагонэ был огромным монастырем, прибежищем сохеев, воинствующих монахов. В нем тренировали поколения умелых бойцов, одинаково ловко управляющихся с луком и нагинатой, конными и пешими. Три хабитата Камикочи снабжали сохеев провизией и новобранцами, окрестные лорды щедро платили золотом за отряды, способные сражаться одинаково эффективно в го-

рах, лесу и на равнине, но... всему рано или поздно приходит конец. Тогдашнему императору было не по душе, что в его стране свили гнезда множество сообществ и культов, часть из которых располагает собственными вооруженными силами тревожно высокого уровня.

Монахи-воины, лишённые поставок продовольствия из хабитатов, встали перед выбором – склониться перед волей монарха или поднять восстание. Они склонились, разошлись в разные стороны, растворились в населении острова, оставив после себя почти опустевший город-монастырь, с кузницами, лесопилками, рудными шахтами и множеством другого полезного скарба. Почти... потому что остались мастера, ковавшие им нагинаты, вырезавшие луки, шьющие одежду, остались работники, пленники и их дети. Кроме того, начавшие снова отправлять провизию хабитаты также щедро делились своими жителями, решившими сменить место жительства. Так родился тихий и сонный Хагонэ, разжиревшая за четыреста лет мира крепость, отличающаяся от хабитатов лишь звонам многочисленных кузниц да тем, что вместо привычной всему миру полусферы была выполнена в виде широкоступенчатой пирамиды.

Сегодня, 5 сентября 3284 года, покою и миру пришёл конец.

Раньше я мог лишь подозревать, что Иеками Рейко... как бы это сказать? Сдерживается. Будучи воспитанной, если это слово вообще можно применить, в роду самых одиозных, вспыльчивых, непоследовательных и заносчивых японских аристократов, пребывавших в опале все 600 лет собственной истории, Иеками Рейко представляла из себя просто образец адекватности, тишины и здравомыслия. Живая, улыбчивая, позитивная, она была похожа на остальных членов своей семьи меньше, чем мой не совсем живой конь-химера на меня.

Однако, кровь, как известно, не водица.

Перед нами стоял выбор – посвятить оставшиеся 15-16 часов до прибытия в Камикочи планированию либо... наконец-то устроить себе первую брачную ночь. Рейко категорично выбрала второе.

Сейчас, глядя на нее, я понимал, что выбор этот был очень разумным, правильным и взвешенным решением. Невозможно планировать хаос. Моя же жена собиралась устроить именно его. Или, как она небрежно заявила – «буду импровизировать».

...забыв добавить: «в духе Иеками».

Началось все с того, что огромная тень «Клаузера» вопре-

ки всем нормативам, предписаниям и актам о полетах, зависла над центральным дворцовым комплексом бывшего монастыря. Колосс величественно выплыл из-за горы, заслоня садящееся солнце и бросая свою тень на весь город, а затем просто замер на месте. За прошедший час паникующее население города разделилось на несколько фракций – небольшая часть горожан подалась в бегство, большая боязливо выглядывала из-под крыш домов, а наиболее смелые, отважные и дурные начали скапливаться на центральной внутренней площади дворцового комплекса, оживленно делая то, что обычно делают такие люди в каждой непонятной ситуации – глазеть, шуметь и делиться мнениями.

По команде Рейко, капитан снизил дирижабль, выпуская десантную платформу на тросах. На платформе нас было всего шестеро – я, Рейко, Соранеко-но-ками со своим верховным жрецом, да Эдна с Камиллой, обряженные по случаю в кимоно, в качестве свиты. Наша же с женой одежда коренным образом различалась. В то время, как бывшая Иеками была при полном японском параде и даже слегка накрашенная, я щеголял своим вырвиглазно-красным костюмом, очками, тростью и сигаретой в зубах, озадаченный выглядеть чуждо и незаинтересованно. Толпа внизу, разохавшаяся при виде гигантского дымчатого кота, задумчиво смотрящего куда-то вдаль, не знала, что её ждет.

Когда до плит площади оставался с десятков метров, с Рейко произошли изменения, которые я уловил, даже глядя на коротко стриженный затылок жены. Сначала мне, пребывающему в эйфорически легком настроении, показалось, что жена надулась от важности, став таким полутораметровым колобком, который сейчас кого-нибудь на что-нибудь спровоцирует, дабы шарахнуть впоследствии молнией для устрашения. Но... я ошибался.

Рейко не надулась, а преисполнилась. Неумолимой, угрожающей силы, делающей из грудастой малышки смертельно опасное существо... нет, не существо. Стихию. Дернулся не только я, рядом стоящий Дзюбей тихо утробно завыл, под испуганное чертыхание своего жреца.

Когда она сошла с платформы, стоящие в первых рядах люди уже вовсю пятились назад, толкая стоящих позади несмотря на то, что от Рейко до них было более десятка метров. Не обращая ни на кого внимания, она взошла по ступеням главного комплекса, остановившись в центре, перед огромными древними воротами. Несколько непонятных личностей испуганного вида нырнули в эти ворота, быстренько их притворив и освобождая место. Рейко подождала молча, пока мы занимали свои места по бокам от нее. А затем *проговорила*:

– Подойдите !

Наверное те, кто был в передних рядах, не особо хотели подходить, задетые аурой бывшей Иеками, но их никто не соби́рался спрашивать. В Японии давным-давно уже не было войн, а в тех старых конфликтах не использовались воздушные бомбардировщики. Когда первый испуг прошел, жителями глубинки овладело любопытство и возмущение. Толпа, в которую все продолжали пребывать люди, хлынула на просторную площадь бывшего монастыря...

...чем ближе подходили горожане, тем большее их количество вставало, ощущая быющую от Рейко силу. Жесткую, опасную, предельно неуютную. Люди пытались остановиться, но те, что сзади, напирали, подталкивая вперед тормозящих. Даже мне пришлось закрыться, чтобы продолжать играть беспечный вид. Тем временем площадь почти заполнилась, начал подниматься шум. Испуганный, затем удивленный, после – возмущенный, грозящий вскипеть, обозлиться, распространиться. Чувство толпы.

Между поднятыми кверху ладошками Рейко проскочил толстый ослепительно белый разряд молнии. Грохнуло. Шум моментально утих.

– Я представляю вам нового хозяина долины Камикочи!

– отчетливо проговорила моя жена в тишине, поднимая руку, куда Эдна только что вложила развернутый пергамент с развевающейся на ветру печатью императора, – Именем его величества, великого императора страны Ямато, Таканобу Кейджи, от 12-го августа 3824-го года, все земли долины Камикочи становятся землями рода Эмберхарт! Сей муж, стоящий перед вами, есть Алистер Эмберхарт-сама, полновластный владелец долины!

Встав возле жены, я положил обе руки на рукоять трости, принимая максимально серьезный вид, но внутренне готовясь к любому развитию событий. Хагонэ, несмотря на свою удаленность от цивилизации, вполне обладал телеграфным отделением, как и каждый из трех хабитатов долины, следовательно, местные жители вполне могли быть в курсе, что император мертв, а в стране разброд и крепнущая власть чужестранцев. При наихудшем развитии событий, если народ поднимет мятеж, мне придется воспользоваться Тишиной...

– Я, Эмберхарт Рейко, по велению моего господина и мужа, принимаю заботу о всех этих землях, как о доме, где будет жить и здравствовать наш род! – тем временем рявкнула Рейко, куда сильнее и напористее, чем когда объявляла меня, – А теперь, я желаю видеть всех, кто управляет этим городом! Здесь! В течение часа! Остальным – разойтись!

Наступил самый ответственный момент. Послушаются или нет? Мои карты были на том, что вся эта импровизация, с нависшим огромным дирижаблем, со сбором народа, с короткой дерзкой речью... всё это не сработает. Здесь слишком много людей, несколько тысяч, а моя жена, несмотря на грозный вид и нестерпимо напряженную ауру, все-таки очень компактная девушка, почти девочка. Причем, самого милого вида. Разумеется, люди это видели, а самые дальние, кого не зацепили эти фокусы, начали озлобленно ворчать. Нехорошая тенденция. Я приготовился накрыть всю область Тишиной – абсолютно негуманно, но у нас нет ни времени, ни иного выхода. Здесь и сейчас будет лишь тирания Иеками, либо террор Эмберхарта.

Однако, у Рейко был козырь в рукаве. Спустившись на несколько ступенек, она повторила то, что сделала в столице, во время «Токийского истребления нечисти». Нет, она не стала в неистовстве долбать по людям молниями (чем «истребление и закончилось, попутно сломав один из инквизиторских дирижаблей-«торов»). Она просто взлетела в воздух с горящими белым пламенем глазами и окутываясь целой сеткой из молний, сплетших вокруг её тела жуткий короткий танец. А затем рявкнула так, что стоящий рядом со мной Кавагура Джиро схватился за сердце:

– БЫСТРО!

Вот этого уже горожане не выдержали, вспомнив, все как один, об убегающем дома молоке. Быстро и в легкой панике толпа просочилась сквозь широкие ворота комплекса, сбегая по ступеньками и рассасываясь по городу.

– Однако, – протянул Дзюбей, когда мы остались на площади одни. Он помолчал, задумчиво рассматривая солдат и матросов, лихорадочно быстро разгружающих дирижабль от наших вещей, а затем спросил, – Вы уверены, что выбрали правильный тон для... знакомства?

– У них нет иного выбора, ками-сама, – устало произнес севший на ступеньку Кавагура. Старик, переживший несколько электростатических выбрыков Рейко, чувствовал себя не очень хорошо. С искренней печалью в голосе жрец закончил, – Эти люди в долине... их жизнь уже никогда не станет прежней. Молодой господин и госпожа хотят спасти как можно больше народа... так?

– У нас нет времени вникать в местные реалии, – ответил я на вопрос деда, но обращаясь к коту, – Тем более что эти реалии... в прошлом. Мне не нужно население Хагонэ, как и люди, живущие в хабитатах. Не смотри на меня так, Дзюбей. Я бы их пальцем не тронул, позволив жить так же, как жили. Но вот тебе одна новость – здесь, в долине, проживает

около сотни тысяч человек и Иных. Это сам Хагонэ, три хабитата, лесные деревушки и... всё. Что с ними будет, когда нам на голову свалятся 12 тысяч учеников Гаккошимы? Молодых и активных аристократов, чьи семьи в данный момент воюют или готовятся воевать? Между собой, против сегуна или китайцев, не суть важно. Двенадцать тысяч пользователей практик. И это еще не самое плохое.

– Ты будишь мою любопытство, человек, – фыркнул кот, настораживая уши, – Что же тогда, по-твоему, хуже кучи опасных детишек?

– Камикочи – идеальное место для крупной базы подскока, – сухо ответил я японскому богу, – При должном контроле воздушного пространства, долина вполне способна вместить пару сотен тысяч китайских солдат, которые будут себя тут чувствовать в полной безопасности. Об этом, кстати, мне сообщил Кавагура-доно.

– Ты спал, – грустно улыбнулся пожилой жрец, собирая улыбкой морщинки вокруг глаз, – А красноголовая тян как раз рассматривала карты и бормотала под нос.

По кошачьей морде духа нельзя было рассудить о тех эмоциях, что за настроение Дзюбея сказала вставшая дыбом шерсть.

– Все равно вы не правы, – упрямо профырчал Соранеко, – Император не мог подарить вам город и хабитаты... даже отдав землю в вечное пользование.

– Разумеется, мы с Рейко об этом в курсе, – недоуменно пожал я плечами, – Это импровизация.

Интерлюдия

Матсубара Казухико почти рычал от раздражения, вынуждая своё не такое уж и молодое тело нестись на предельной для него скорости. Делом это было далеко не простым, заместитель мэра Тагаси был обилен как телом, так и волосами, чем в меру гордился, а вот физическими упражнениями пренебрегал с тех пор, как покинул службу полицейского в Киото. По причинам здоровья, между прочим, покинул, полученных на дежурствах боевых ран! Но с тех пор, как и с возвращения в родной Хагонэ, прошло много лет. Сейчас же, один из наиболее респектабельных и уважаемых жителей города неся разъяренным бегемотом к дворцовому комплексу. Следом за отцом пыхтели трое его сыновей, вооруженных автоматами, от чего в сердце отца была не только злоба, но и страх.

Демоновы варвары!

Когда на днях пришла официальная телеграмма из Токио, оповещающая, что у долины появился новый хозяин, в мэрии заржала даже прикормленная клеркам бродячая собака Шу. Родовые земли? Гайдзину? Да кто ж его так не любит? Нет, ни сам Казухико, ни мэр Вакаба, ни кто-либо еще ничего против не имели! Да и никто не имел, что уж там! Ждали с нетерпением, похохатывая!

А чем не развлечение-то? Хагонэ и хабитаты – имперское владение, как и дороги между ними, так что новоявленный хозяин мог бы претендовать лишь на власть над лесопилками, да на пару полей особого риса, разбитых с молчаливого согласия Вакабы возле города. А в остальном что? Кем тут новоявленному хозяину управлять? Тануки? Так они сами в него вцепятся, их уже в городе едва ли не сотня, ждут не дождутся... развлечения. Ими-то не поуправляешь, зато забава будет хоть куда! Кто остается? Обезьяны?

В общем, все предвкушали потеху, с развлечениями в Камикочи всегда было туговато. А тут такое... событие. Споры о том, кто проклял бедолагу гайдзина стояли в городе ровно до момента, пока бывшую цитадель монахов не накрыла черная тень, вскоре заполонившая половину города.

А затем прилетевший гайдзин сразу сделал всем похо-

хотать. Да так, что народ летел от дворца с выпученными глазами и соплями во все стороны. «Молнии!», «Она всех убьет!», «Демоны!».

Ну, в Хагонэ далеко не все были истеричными дураками, пара смышленных парней рассказали тяжелому на подъем Кадзухико все в деталях... и сейчас он несли туда, где его ждали, как угорелый, но не зная, что и думать. *Предъявить права на людей?!* Да сколько столетий уже аристократы не владеют городами и хабитатами! Да, знатные могут получить от правителя право называть поселение своим, но это лишь значит, что они имеют голос в управлении и долю в прибыли, не больше! А у этого... нахала и того тут нет!

По ступеням, ведущим к дворцу, полный и высокий Матсубара взлетел, обретя второе дыхание – на его глазах огромный дирижабль разворачивался, улетаая. Позади гомонили осмелевшие полицейские, неловко выдирающие пистолеты из закоростеневших кобур. Ну сейчас он покажет этим шутникам! Выкинет из города! С запретом продавать хоть дынную корку местным «хозяевам»! Пусть крутятся как хотят посреди леса теперь!

Высочив на площадь, Кадзухико аж остановился в изумлении. Худой длиннющий гайдзин в странном красном наряде, группка миниатюрных девушек, древний старик, сидя-

щий на ступенях и... огромный кот? Это что, шутка? Это они перепугали половину города так, что те неслись, скинув сандалии?

А верить приходилось. Под ногами Кадзухико и его сыновей было очень много сандалий-гэта, простой и любимой жителями Камикочи обуви.

– Кто вы такие и по какому праву нарушаете покой и порядок в городе?! – выпалил мужчина под успокаивающий лязг затворов автоматов в руках сыновей. Серьезные они у него, деловые, да на своей земле выросли.

– Я представилась половине города, толстяк, – презрительно-холодно процедила самая маленькая из стоявших в группке девушек, разворачиваясь к заместителю мэра. Огромные серые глаза пренебрежительно смерили почти двухметрового Кадзухико и его сыновей, а затем кроха лениво добавила, – Но для тебя, раз уж ты первым явился на мой зов, повторю. Эмберхарт Рейко, жена Эмберхарта Алистера, хозяина всех земель Камикочи. Теперь представься сам.

Кадзухико славился среди жителей Хагонэ изрядным добродушием и житейской сметкой. Бывший полицейский совсем недаром наел себе обильное чрево, работать он умел и любил, а о жителях долины заботился искренне и с душой.

Но и дурная слава у него тоже была немаленькой – насмотревшись на службе в Киото разного-всякого, Матсубара на раз преступал закон, когда дело касалось пойманных на горячем преступников. Воры, насильники, приезжие торговцы дурью, убийцы... из Камикочи в тюрьмы страны не попадали. Кончали с собой прямо в камерах Хагонэ – с чувством, с толком, с расстановкой. Об этом местные знали и... боготворили решительного и смелого человека.

Почему? Да потому что в город постоянно навешиваются тануки, вот почему! *Этих* тюрьмой не испугаешь.

Однако, обратной стороной монеты было то, что к власти своей Казухико привык, в роль второго лица в городе вжился с корнями, а вот знать не видел давным-давно. Коротко и зло представившись, заместитель мэра потребовал, чтобы все, имеющие отношение к роду Эмберхарт немедленно покинули пределы города, иначе... Два десятка полицейских с паршивым огнестрелом, четверо сыновей и он с достаточно неплохими автоматами «УФ-212», а скоро еще и парни Рюдзин-гуми на огонек заглянут... Матсубару сильно (очень сильно!) смутил неподвижно сидящий у ворот храма кот, который скорее всего был известным идзигами Соранеко, но, с другой стороны, божество сидело далеко, всем своим видом показывая, что вмешиваться не собирается.

Ни длинный гайдзин в красном, ни его жена, ни остальные девушки не выразили ни малейшего беспокойства из-за того, что на них направлены три, а то и четыре десятка стволов. Сероглазая кроха с самым начальственным видом стояла вполоборота к заместителю мэра, нетерпеливо пристукивая ногой по плиткам площади. Гайдзин курил, опершись на трость. Идзигами наблюдал. Старик, сидящий на ступеньках чуть ниже божественного кота, горько и устало улыбался, глядя на происходящее. Из-за груды выросших на площади контейнеров выглянул гигант, куда выше и мощнее здорового Матсубару. Узнав сервуса, заместитель мэра нервно сглотнул – если одна аристократка с даром молнии была вполне под силу собравшимся, то вот пробить пулями кожу этого существа... риск совсем другого порядка. Там же в сумерках, рядом с контейнерами, шевелились еще тени, что возбуждало в душе злого чиновника страх, что сервусов может быть несколько. Так-то они мирные, но...

– Где остальные?! – внезапно вызверилась на Кадзухиро кроха, подходя к нему почти вплотную и задирая круглое личико с неприлично короткой для девушки прической, – Долго мне тут еще ждать всех ваших?!

– Больше никто не придёт, – процедил решивший расставить все точки над «и» чиновник, – Мэр Вакаба Нори стар, все его обязанности выполняю я! Последний раз повторяю,

покиньте территорию города! От имени Хагонэ я подам жалобу в имперский суд на род Эмберхарт за произвол и попытку узурпировать власть императора!

– Ну раз никого больше не будет... – проговорил гайдзин на чистейшем японском, подходя к своей жене, – Значит, будем решать вопрос с вами. Заместитель мэра Кадзухиро-сан, верно? Как глава... всех, здесь присутствующих, официально уведомляю вас, что наш приход и поведение никоим образом не попытка узурпировать императорскую власть. Тем более, что Таканобу Кейджи мертв, как и его семья.

У Кадзухиро ушла земля из-под ног. Выронив автомат, мужчина пошатнулся, но остался на ногах, удерживаемый своими сыновьями, также побросавшими оружие. Многие полицейские опустили свои дряхлые пистолеты. Таким не шутят. Такое слишком легко проверить. Терпеливо ждущий гайдзин не производил впечатление человека, решившего просто ради шутки выбить почву из-под ног заместителя главы города – он стоял, ожидая, пока местные справятся с новостью. На его исчерченном тонкими черными шрамами лице даже можно было уловить сочувствие. Легкое.

– Даже если так... – прохрипел приходящий в себя здоровяк, отталкивая заросшей густым черным волосом рукой суесящихся сыновей, – Даже если всё так! Это вам не дает

никакого права здесь хозяйничать!

– Совершенно верно, – вежливо кивнул ему высокий гайдзин. Вечерний ветер слегка трепал плащ и широкополую шляпу иностранца, делая похожим его на какое-то странное пугало, – Я не претендую на власть в городе или хабитатах. Вы имперские жители и подчиняетесь только имперским законам. Мы с супругой лишь самым безобидным образом продемонстрировали небольшую часть наших возможностей, которые собираемся использовать на благо империи Нихон и долины Камикочи...

– ... а также привезли с собой того, кто с этого момента определяет, что именно для империи и долины является благом, – неприятно тяжелым голосом проскрежетала миниатюрная японка с короткой стрижкой. Повинуясь её повелительному жесту, две худенькие служанки с белыми волосами разошлись, демонстрируя собравшимся японцам еще одну маленькую фигурку. Тонкую, хрупкую, с копной рыжих волос и решительным взглядом. Затянутую в мундир, украшенный многочисленными треугольниками черного и белого цветов.

– Лейтенант 4-го полка Первой Армии инквизиции Ватикана Регина Праудмур, господин Кадзухиро, – четко проговорила девушка, сжимая подмышкой толстую кожаную пап-

ку, – По восьмому подпункту пятого параграфа «Конкордата Заавеля», я беру под свое командование всё гражданское население долины Камикочи. Мои полномочия дополнительно одобрены сёгунатом, осуществляющим сейчас управление страной.

Пузатый верзила чувствовал, что у него голова идёт кругом. Император мертв, идзигами смотрит... инквизиторы? Он думал, что это байки. Однако.

– Приходите в себя господин помощник мэра, – раздался сухой голос хозяина Камикочи, – Мне, моим людям и имуществу нужно где-то разместиться на ночь. А завтра мы всё обсудим подробно, что империи требуется от жителей долины и что они выполняют... любой ценой.

– Или умрут, пытаюсь! – вновь скрежетнула Эмберхарт Рейко.

Глава 3

Три дня прошли в сумбурной и агрессивной суеде, которую вполне можно было бы принять за некую форму изнасилования, где в качестве жертвы пребывает целый город, а у насильника очень и очень маленький инструмент. Получалось у нас не очень, но руки опускать было рано. Лейтенант

Праудмур, оккупировавшая местный центр связи и взявшая в рабство работающий там коллектив, упорно пыталась составить картину происходящего в Японии. Там же она дневала и ночевала, позволяя нам с Рейко не отвлекаться на её безопасность. А вот мне и жене приходилось бегать по всему городу с утра до вечера.

– Ариста, у нас плохая карма, – категорично заявила мне коротышка, пытающаяся устроить свою голову на моих коленях. Подумав пару секунд, она добавила, – Это я про жилье, если ты не понял. Мы когда-нибудь будем жить в нормальном доме?

– Ты в самом деле хочешь сейчас жить в доме с бумажными стенами? – иронично поинтересовался я, погладив перед этим ежик волос довольно замурчавшей супруги.

– Сейчас – нет! – решительно заявила она, – Но в будущем...

– Непременно светлом, мирном и радостном! – сарказм просочился как-то сам собой, за что я и был несильно ударен... током.

В то время как перед бывшей Иеками стояла задача лишь навести ужас по всему Хагонэ, моя работа подразумевала на-

ведение мостов с местными жителями, путем предоставления им информации, как этот самый ужас можно держать от себя подальше. В частности, расчисткой многочисленных бывших полигонов и тренировочных площадок монастырского комплекса для возведения там жилья казарменного типа. Рассуждал я при этом довольно просто и логично – как бы события не повернулись дальше, казармы в Камикочи пригодятся точно.

Недовольство Рейко новым местом жительства было понятно – узурпированный нами четырехэтажный недозамок, вырезанный монахами в скале, был еще мрачнее, чем мастерская Граевского, которую я в Токио частично переделал в жилое помещение. Зато, несмотря на ужасающую тесноту множества комнаток, сюда влезли все, кого я сюда привез, за исключением Гримма, просто не помещавшегося в проходы, но гиганту-сервусу вполне было уютно и в конюшне. Глядя бурчащую что-то жену по голове, я подумал, что нужно что-то решить с семейством Перрсонов – шведы уже давненько пользуются моим гостеприимством и защитой, а толку от этого нет вообще. Как это ни смешно, но у меня за последние несколько месяцев не нашлось времени, чтобы хоть что-то узнать об этой блондинистой семейке. А сейчас некогда, все время, что мы не тратим на дела Камикочи, мы, как два совершенно нормальных подростка, тратим на супружеский долг. Разумеется тогда, когда на это есть силы.

В данный момент их не было, но они быстро появились, когда в нашу комнатушку вошла Эдна, держащая свой любимый тесак у горла Камиллы, которую она зафиксировала перед собой, взяв руку на излом.

– Это то, о чем я думаю? – хмуро спросил я у своей неразговорчивой горничной.

– Не Камилла, – бесцветным голосом сообщила мне девушка-близнец, очень плотно и болезненно фиксируя подменыша. Подбив пойманную под колено, девушка-гомункул хитрым образом скрутила вторженца совсем уж в позу «зю», заставляя компактно съжаться на одном месте, попискивая от боли.

– Мало нам было проблем, – выдохнула Рейко, вставая с лежанки.

– Этих мы по крайней мере ждали, – парировал я, извлекая один из револьверов, а затем интересуясь у пленника, – Какую конечность тебе отстрелить за вторжение в мой дом, тануки?

У меня множество недостатков, которые крайне легко интерпретировать как достоинства. Склонность к насилию,

кровожадность, заносчивость, расчетливость, цинизм, пренебрежение ценностью чужой жизни... перечислять можно долго. Все они – продукт тщательного и высокооплачиваемого воспитания сына английского лорда. Алгоритмы, помогающие таким как я выживать и достигать целей, весьма далеких от понимания основной массой проживающих на планете людей. Что сказать? Я получил великолепное воспитание. А вот страсть к курению и ненависть к енотам остались с прошлой жизни.

Шпион молчал или молчала, лишь слегка всхлипывая от боли в заломленных конечностях и настороженно косясь на меня.

– Эдна, отрежь этому существу ухо. Медленно, – не стал тянуть кота за шандрыгалы я, теряя интерес к происходящему.

Горничная послушно начала исполнять приказ... медленно, что вызвало у пленника бурю эмоций. Одержимый демоном гомункул, живший в моей семье уже 80 лет, был куда сильнее, чем выглядела, посему крутящийся в его объятиях тануки особых проблем вызвать не мог. Когда Иной, в очередной раз дернувшись, внезапно уменьшился в размерах до обычного енота, на секунду выскользнув из любящих объятий Камиллы, то она просто-напросто пнула падающую зве-

рушку ногой так, что тот вмазался в стену, шлепаясь вниз меховым клубком. Еле заметный длинный разряд, посланный Рейко, заставил паршивца тонко взвизгнуть, подскакивая на одном месте. Превратившийся в наэлектризованный пушистый шар зверь замер в углу, скаля на нас крохотные острые зубы.

Остановив подступающую Камиллу, я обратился к зверю с предложением:

– Мне есть, что передать населяющим долину тануки, а значит, у тебя есть отсюда возможность уйти целым. Если согласен на такой обмен, то прими нормальную форму.

Поскалившись еще несколько секунд, Иной принял форму худощавого чернявого парня, меряющего меня недобрым взглядом. Тем не менее, звереныш воинственно сжал кулаки, задиристо вздергивая вверх подбородок.

– Что, хочешь, чтобы наши кланы тебе подчинились, человек?! – с вызовом выпалил он.

Ненавижу енотов. Наглые всеядные зверьки, пытающиеся самоутвердиться за счет окружающей их живности, переносчики бешенства и других болезней. А тут еще и попался довольно туповатый и молодой экземпляр. Скорее всего, это

местный хулиган, решивший доказать, что круче него лишь горы и яйца.

– Ваши кланы оскорбили меня, тануки. Все, вместе взятые, – медленно процедил я, – Вчера, когда прислали делегацию из своих старейшин к Соранеко-ками вместо того, чтобы представиться новому хозяину этой земли. Но я закрыл глаза на это оскорбление, как закрою глаза на твое поведение...

Мальчишка хотел что-то вякнуть, но я нажал голосом:

– Брать во внимание бескультурное поведение животных – тратить своё время зря. Передай своим сородичам, что мне нет до них дела. Мне не нужна дружба с вами, не нужны ваши травы, растворы и другие ресурсы, не нужна власть над вашими племенами. Живите как жили, хоть до скончания веков. Но если еще хоть одному тануки придёт в голову поразвлечься за мой счет или помешать моим людям, то я вспомню про нанесенные мне и моей жене оскорбления. Камилла, выкини его за ворота.

Мальчишка снова попытался что-то ляпнуть, но вновь не преуспел, скрученный моей горничной в бублик иной формы. Издав на прощание несколько протестующих хрипов, он был вытащен Камиллой с глаз наших долой.

– Ариста, ты обычно прав, – с сомнением протянула Рейко, заглядывая мне в лицо, – Но сейчас...

– Вспомни нашу Якусейшо, радость моя, – я расслабленно растекся по дивану, – Помнишь кицуне, прибывших с Ирукай Саем? Умных, хитрых, веселых. Вот его клан с людьми жить умеет, кицуне знают границы... и знают, как и когда их можно переступать. Вчера Дзюбей мне сказал, что с местными тануки я каши не сварю. Их кланы с трудом смирились с фактом, что в долине живут люди. Напомню тебе, что в те времена шла речь про воинствующих сохей, а не про местных земледельцев и кузнецов. Они будут пакостничать, обязательно. Увидишь сама.

– Ты мог бы показать им печать Райдзина! – не сдавалась продолжающая хмуриться жена.

– Мог бы, – соглашался обнимающий её я, – Если бы они, как полагается, прислали бы делегацию ко мне, а не к Дзюбею. Если бы были согласны договариваться. Соранеко они задали единственный вопрос – что сюда привело бога? И рассмеялись, когда он ответил правду.

– И что теперь? – спустя некоторое время молчания спросила Рейко, – Утопишь их деревни в крови?

– Не пролью ни капли, – удивил супругу я, – Но заставлю проклясть тот день, когда они решили нас оскорбить.

На следующее утро я без всякого восторга рассматривал территорию бывших монастырских полигонов, где едва-едва была начато корчевание высаженных там чахлах яблонь. Пара десятков городских рабочих медленно и печально возились, заканчивая выдирать деревца со второго поля, отведенного Региной под казарменный блок. Рядом со мной стоял пузатый Матсубара Казухико, рассматривающий полевые работы с непроницаемым выражением лица.

Это был... провал. Наши с женой надежды на умеренное запугивание местных себя не оправдали. Вместо того, чтобы подчиниться авторитету Праудмур, люди, привыкшие за поколения к вольной и независимой жизни в городе, который никогда и никому не был нужен, предпочитали бегать, прятаться, либо внаглую игнорировать требования, переданные через Матсубару, который также в свою очередь саботировал все процессы. Плохо. Будь у меня свои люди, вооруженные и решительно настроенные, дело бы пошло куда веселее, хотя бы за счет того, что местные видели бы понятный им авторитет. Двое подростков, пусть даже если один из них может мановением руки превратить дом в груды обломков, были совсем не тем, что нужно.

– Здесь должно работать куда больше людей, Матсубара-сан, – вздохнул я, – Примерно шесть сотен, большее количество будет друг другу мешать. Плюс еще по тысяче на фортификацию каждого из перевалов. Но, дайте догадаюсь, вы сейчас скажете, что аккумулировать и организовать подобные ресурсы вне вашей власти?

– Совершенно точно! – импульсивноотреагировал закашлявшийся от названных мной цифр толстяк, – Эмберхарт... доно, вы говорите немыслимые вещи! На оплату работы этих граждан уйдет весь свободный бюджет города! Мы бедная провинция!

– Эти же слова вы скажете китайцам, когда они беспрепятственно займут Камикочи? – язвительно спросил я, – Хотя нет, не думаю, что в ближайшем будущем армия вторжения сюда доберется... в отличие от представителей сегуната.

– Эмберхарт-доно, – тон толстяка стал куда суше и серьезнее, – Я хорошо представляю, что если владетельный лорд ютится в почти пещере по ночам, а днем вместе с женой бегает по городу, заставляя людей работать... то все серьезно. Очень серьезно. Но посмотрите на происходящее с точки зрения наших жителей, ни разу не выбиравшихся из долины! Император мертв! Слухи о волшебниках в городах! Приле-

тают два чужестранца и бывшая Иеками, утверждающие, что теперь они тут всем заправляют! Они не знают, что думать и во что верить!

– Почему они не верят вам?

– Верят. Но... не очень... – смутился толстяк. Фальшиво, очень фальшиво.

Это было предсказуемо. Вот ты живешь на земле, где еще твой прадед спокойно встретил старость, а вот раз – и внезапно кто-то хочет изменить все порядки, устоявшуюся схему жизни. Разумеется, ты будешь сопротивляться, хотя бы по инерции, хотя, чаще всего просто потому, что можешь. Несмотря на все старания Рейко, запугать до икоты местное население у нее не вышло, что было воспринято мной с полным пониманием...и досадой. Хотя нет ничего непоправимого, что меня, что её учили действовать в ситуациях, когда даже провал можно обратить в выигрыш.

– Хочу заметить, что мой приказ о постройке дополнительных бараков в хабитатах выполняют с куда большим тщанием и скоростью, – нарекнул я волосатому заместителю мэра, – Хотите узнать, почему, Матсубара-сан?

– Окажите честь, Эмберхарт-доно.

– Я сказал фермерам, что они делают новые дома для жителей Хагонэ. Бывших.

Оседлав свою бледную зловещую клячу, я выехал в город. Не сколько по делам, сколько проветрить голову и оценить местные красоты, столь упорно сопротивляющиеся неумолимо наступающим переменам.

Ступени «пирамиды», в виде которой был построен бывший монастырь, были достаточно широкими, чтобы расположить на каждой несколько улиц, идущих перпендикулярно вырезанным в камне лестницам, изрядно уже побитым временем. Местные даже организовали нечто вроде системы фуникулеров, чтобы спускать-поднимать грузы или немощных сограждан, которых тут было не так уж и много. Здоровый климат, множество ступенек, отсутствие необходимости перенапрягаться... да за такую жизнь любой из лондонских рабочих, не раздумывая бы убил. Не удивительно, что они здесь все такие расслабленные и независимые.

Зелень, свежий воздух, тишь да благодать. Лишь издалека доносятся звонкие металлические звуки – то работает кузницы, обеспечивающая изделиями из железа сам город и хабитаты. Хагонэ ничего не экспортирует, кроме сборов трав, поставляемых кланами тануки в обмен на молоко и мясо из

хабитатов. Экономическая и политическая ценность города равны... нулю. Он даже на транспортный узел не тянет, являясь одной из тупиковых ветвей железной дороги. Надо бы разобраться с местной экономикой, что тут за травы такие, раз за счет них живет такая куча народа?!

Двигающиеся по основной дороге-лестнице вверх и вниз жители косились на меня с неприкрытой враждебностью.

То ли еще будет.

Прогулявшись и подышав свежим воздухом, я заглянул в пункт связи, который подмяла под себя рыжая Праудмур. Сама Регина радовала окружающих видом смертельно не выспавшегося человека, из-за чего мной в приказном порядке была отправлена отдыхать... после доклада. Последний оказался короток и перенасыщен эмоциями, но общую картину происходящего в империи показал.

Царили хаос и отрицание. Знатные рода в своем большинстве отказывались признавать новый правящий режим, требуя найти наследников Таканобу. Города на севере страны успешно притворялись мертвыми, не реагируя на вызовы из столицы. Юг начинал тлеть под ударами вторгнувшихся войск. Сами южане были готовы принести присягу хоть демонам, лишь бы им направили помощь. Потоки беженцев

шли к центру империи, частенько двигаясь по железнодорожным путям и парализуя снабжение еле-еле удерживаемого фронта. И это еще было не самым страшным.

Вся затея китайцев не стоила бы и выведенного яйца, если бы не одно «но». Люди, прожившие десятки поколений под жадными до эфира Небесами, полностью утратили сопротивление к Бурям и, по всей логике развития событий, должны были бы отправиться на тот свет если не от эфирной Бури, так от десятка-другого «Гекат» с инквизиторских «Торов», однако имело место именно это проклятое «но».

Индокитай разгадал загадку создания серенита – металла, напрочь блокирующего эфирные волны!

Китайцы всюду с собой таскали свернутые в рулоны серенитовые сетки и кольчуги, которыми накрывали окопы, в которых предпочитали спать, совещаться и воевать. Более того, эти сетки, индивидуального и общего использования, вторженцы очень ловко использовали для борьбы с боевыми техниками японских аристократов, оказывающих им сопротивление по мере сил. Огненные шары, водяные ядра, призрачные удары – всё это теряло львиную долю эффективности, сталкиваясь с тонкой, но очень прочной сетью, которая была достаточно тяжела, чтобы солдат мог уверенно бросить её навстречу удару.

– Это – задница, – несдержанно резюмировал я, массируя себе виски.

– Еще какая, – Регина, блуждая предобморочным взглядом, шарила руками по моему сюртуку не слишком уверенными движениями.

– Я женат, – на всякий случай сообщил я девушке.

– Курить хочу – умираю, – пояснила она свои домогательства, нервно выуживая портсигар, – А что задница, так это вы правы, ваше сиятельство. Аборигены, молившиеся на свои техники, просто в панике.

– Да причем тут Япония, – вяло отмахнулся я, – Серенит!

На серените держится весь технический прогресс мира и... могущество Великобритании, единственного поставщика этого уникального сплава. Во многом благодаря аккуратной английской дистрибуции серенита и сформировалась текущая миролюбивая цивилизация – любой потенциальный агрессор видел перед собой угрозу лишения поставок металла. Без него остановится эфирное производство, обогрев домов, связь, водопровод, канализация, воздушные и железнодорожные сообщения.

А теперь его умеют выплавлять индокитайцы. Голова просто кругом идёт в попытках понять и просчитать хоть какие-то реалистичные варианты развития будущего.

– Я думала, что лечу сюда спасти мир от злых магов, – устало выдохнула рыжая злючка, втянув в себя едва ли не полсигареты за затяжку, – А теперь жалею, что не стала проституткой в Дублине.

– Проституткой? – вяло удивился я, витая в собственных мыслях.

– А кем еще? – иронично хмыкнула Регина, пренебрежительным жестом руки обводя собственные скромные стати, – С такой внешностью чем не занимайся, все равно через койку получится, так зачем вообще работать, если можно просто лежать, раздвинув ноги, и сладко охать?

И не поспоришь. Красивая и маленькая, как, впрочем, и большинство окружающих меня девушек. Только если у Рейко огромная для её габаритов грудь, а Момо похожа на чахлого дистрофика, то Регина скорее напоминает выточенную из кости куколку... весьма стервозную и по уши влюбленную в некоего русского (который от нее еле избавился). Близняшек-горничных я в пример вообще не беру, так как они од-

новременно противоестественны и идеальны.

Возле телеграфного отделения меня и нашел Накаяма Минору, он же Дарион Вайз, с сообщением о том, что некий бывший генерал, а ныне глава правительства, отчаянно жаждет со мной общения... через зеркало. Посетовав на то, что мир стремительно катится в пропасть, я почти силком оттащил Праудмур в койку, выдав охраняющей её Эдне приказ проследить за тем, чтобы рыжая отдохнула.

Вскочив в седло своего жутковатого бледного скакуна, пришпорил его, торопясь домой.

Подниматься от станции связи, расположенной у идущей через всю долину узколейки, нужно было до самого верха «пирамиды» Хагонэ, что дополнительно затруднялось движением на этом самом пандусе. Несмотря на то, что хабитаты предоставляли городу мясо и зелень, молоко здесь любили свое собственное, держа для этих целей множество коз. Решив как следует ментально подготовиться к разговору с новым главой страны, я не стал обгонять карабкающуюся передо мной немаленькую отару блеющих животных, что и послужило причиной для дальнейшего развития событий.

На меня организовали засаду.

Вылетевший из пышного куста, усыпанного белыми цветами, камень устремился мне точно в голову. Летел булыжник достаточно медленно, чтобы погрязший в своих мыслях я успел среагировать, убирая важную и нужную часть тела с траектории его полета, но был достаточно тяжел и увесист, чтобы представлять серьезную опасность. А еще он сшиб мою красную широкополую шляпу, которая мне очень нравилась. Последнее моментально привело в бешенство.

Не так давно, одним очень интересным существом мне были подарены два парных револьвера, использовавшихся знаменитым русским дуэлянтом, графом Онежским. Будучи патологически верным семьянином, сей граф имел жену, обладающую острейшим воспалением ревности, из-за чего периодически имел жуткие скандалы как в приватной, так и в публичной обстановке. Не прекословя своей супруге, он, тем не менее, изволил над ней пошутить, назвав свои новые револьверы «любимыми шлюхами», как бы в намек, что если и изменял когда-то жене, то только с ними. Несмотря на имя, оружие мне досталось чудесное, «шлюхи» представляли из себя два одинаковых хромированных револьвера очень злого калибра и потрясающей мощности. Упражняясь в тире, я искренне влюблялся в них всё сильнее и сильнее – они стали моим первым оружием, способным довольно точно отправить в цель несколько пуль из барабана, без нужды производить краткую корректировку после каждого выстрела.

Правая «шлюха» пролаяла отрывисто, зло и резко, три раза. Произведя все выстрелы за какую-то секунду, а может и полторы, я под паническое меканье коз, слетел с коня, продолжая удерживать куст на прицеле. Оттуда донесся слабый стон и частые прерывистые хрипы. Оглядевшись по сторонам и заметив лишь раззявившего рот пастуха да застывших в отдалении трех мужиков, судачивших до этого о чем-то своем, я рассудил, что злоумышленник, скорее всего, действовал один.

Так и оказалось.

В разворошенном кусте обнаружился лежащий навзничь чернявый подросток, на боку которого быстро расплывалось большое черно-красное пятно. Он судорожно и часто вздыхал, стремительно бледнея. Лицо оказалось знакомым – не далее, как вчера вечером я приказал Камилле вышвырнуть этого шпиона-тануки из дома, предварительно снабдив пойманного засранца инструкциями о том, что он должен передать своим старейшинам. Видимо, идиот решил отплатить мне за «унижение».

Вот поэтому я не люблю енотов. Что уж говорить о человекоподобном подростке-еноте.

Когда я выволок отходящего на тот свет пацана за ногу к коню, вокруг уже собралась немалая толпа услышавших выстрелы. Сразу начались охи и ахи, возбужденный гомон и прочие звуки людей, видевших в жизни слишком мало трупов. Тем не менее, жителями Хагонэ пацан был опознан сразу, как некий Ишики-кун, известный по всему городу хулиган и пакостник неопределенного места жительства. Несколько раз неуверенно прозвучало «тануки», причем каждый раз в голосе утверждающего царили немалые нотки страха. Очень интересно.

– В городе есть представительство тануки? – громко спросил я, окидывая толпу взглядом, – Посольство? Община? Как вы с ними общаетесь? Как ведете дела?

На вопросы никто не отвечал. Люди отводили глаза, начинали пятиться, пихая тех, кто мешал им уйти, прятались друг за друга. Затем, один хмуробровый и жилистый мужичок решительно шагнул вперед, открывая рот, но тут же передумал – лежащий возле моего коня пацан наконец-то двинул кони, приобретая свою истинную форму. Иные куда более живучи, чем среднестатистический человек.

Вновь раздался гомон. Я нагнул, беря трупик животного за шкуру, затем поймал взглядом мужичка, сделал несколько шагов к нему. Удрать тот не успел, но желанием явно стал

преисполнен до бровей.

– Как. Вы. Ведете. Дела. С тануки? – с расстановкой повторил я, нависая над мужиком и тряся дохлым енотом, – Через кого?

Он мялся, крутился, вертел головой, но затем все-таки выдохнул одно слово. Еле слышно, но я понял, что он прошептал.

«Гокудо»

Глава 4

Придвинув кресло к потрескивающему углями квадрату открытого японского очага, я принял из рук Эдны тяжелую кружку с дымящимся кофе. Установив последнюю на подлокотник, прикурил «эксельсиор», глубоко и философски затягиваясь в ожидании, пока близняшки покинут мрачную монастырскую залу, встав прямо за дверьми в охрану.

– Ну что же, первый совет рода Эмберхарт объявляю открытым.

Забравшаяся в кресло с ногами Рейко перевела полный сомнения взгляд с меня на Накаяму Минору. Кроме нас тро-

их в угрюмом зале с низким потолком и завывающим в дымоходе ветром никого не было.

– Он приглашенный эксперт, а не родственник, – уточнил я, намекая на ухмыляющегося демона.

– А тот, что сидит в тебе? – вполне обоснованно спросила супруга, морща носик.

– Считаю, что я его усыновил, – подумав, предположил я, – Ну или Эйлакс меня, особой разницы нет.

Жена лишь фыркнула, а я подумал, что при сложившихся обстоятельствах, лишь Иеками Рейко могла бы стать (и стала) идеальной для меня спутницей жизни. Любая другая женщина, узнавшая, что род её жениха путается с самыми настоящими демонами, бежала бы от меня, роняя обувь и седея на ходу. Но сероволосая малышка сама предком числила вполне себе гадкого, вспыльчивого и злобного типа демонической национальности, поэтому отнеслась к моим откровениям достаточно легко. Конечно, сначала были крики и претензии, сотрясающие дирижабль, но они быстро утихли под давлением логических доводов и намеков на длину моей родословной. Секреты династии для японки были далеко не пустым звуком, а уж чем длиннее эта династия, тем больший повод для гордости. У меня она была очень длинной.

– Я знаю, что ты только что говорил с тай-сёгуном, аната, – внезапно севшая в кресле на свои собственные колени жена выполнила нечто, что можно было бы назвать поклоном-просьбой, – Но у меня, здесь и сейчас, есть одно пожелание, которое я хочу озвучить. Прежде, чем мы начнем. Пожалуйста.

– Слушаю, – сделал протокольное лицо и осанку я. Вежливость и традиции – это не только пафосный маскарад, но и мнемонически закреплённый способ моментально переключиться в нужный «режим».

– Прошу своего супруга воздержаться от употребления снадобий, алхимии и опасных веществ, пока не станет возможным зачатие ребенка, – монотонным голосом выдала Рейко, вновь кланяясь. На кресле.

Выглядело это вполне серьезно.

– Приложу все силы, – так же церемонно ответил я. Коротышка лучисто улыбнулась, довольная как слон. Конечно, мы оба понимали, что наследник необходим в первую очередь..., хотя, с другой стороны, если меня снова припрут к стенке, вновь придётся горстями есть химию, буквально «заваривая» себе дырки в теле зеленым «порошком Авицен-

ны». Но, тем не менее, просьба была озвучена и воспринята всерьез, а это значит, что в любое рискованное предприятие я теперь буду соваться в своем «Свашбаклере».

...или не соваться в принципе. Задуманный мной «совет» во многом должен был прояснить перспективы этого самого будущего.

– Итак, наш общий знакомый и мой бывший непосредственный начальник Итагаки Цуцуми неожиданно для себя приобрел власть над страной, – вздохнул я, копаясь в портсигаре, – Человек он, вне всяких сомнений, достойный, и отличный генерал, но выбирали его, увы, из-за других качеств, а именно радикальной, почти фанатичной ориентации на технический прогресс. Не понаслышке знакомый с Европой, он, в качестве сёгуна, показался Ватикану наиболее удачной компромиссной фигурой для этих смутных времен. Не могу судить, насколько сложнее от этого стали времена, поэтому вкратце опишу, что сейчас происходит в империи.

Происходило же нечто, можно было бы назвать как консолидацией аристократических родов, так и попыткой окунуть страну в пламя сепаратизма. Аристократам не нравился сегунат, они хотели найти/выбрать нового императора, либо найти бастардов Таканобу, но были связаны по рукам и ногам как решениями Итагаки, так и «конкордатом Заавеля».

В результате, не желая проливать свою родную кровь по приказу чужеземцев знать, вместо с близкими и родными, уходила в подполье и несознанку, а то и придумывая что похуже. Одни запирались в поместьях и крепостях, другие шли в спешно набираемые войска, моментально приобретая там совершенно неприятный для штаба Итагаки авторитет, третьи... С ними была проблема куда серьезнее. Средняя и низшая аристократия империи, сыздавна взявшая на себя ношу административного управления страной и безупречно работавшая как система, сейчас пошла вразлад. Простому бывшему генералу приходилось иметь дело с расстроенным механизмом, который продолжал крушить сам себя.

– Изначально сёгун желал, чтобы я прибыл в Токио, сел в «Паладина», а затем отправился на Окинаву, – выдохнул облако дыма я, – Дабы сломать всё, что может быть сломано, поубивать всех, кого смогу, в идеале даже перебив командование армией вторжения. Пришлось ему объяснять, что СЭД невозможно эффективно применить в зоне действия эфирных сборщиков Чатан, Гинован, Йомитан и самой Окинавы, а действовать длительное время «Паладину» в тылу не дадут...

Речь шла о энергостанциях-сборщиках эфира, засасывающих энергию на внушительном расстоянии вокруг себя. Компактные переносимые ЭДАС-ы СЭД-ов просто не могли

получить хоть крошку эфира в радиусе пяти-семи километров от энергостанции. Разумеется, китайцы этим воспользовались.

– Ты бы все равно не поехал! – сделала большие глаза Рейко.

– Конечно, – невозмутимо ответил я, – Но разбор недостатков предполагаемой стратегии перед лицом временно исполняющего обязанности монарха звучит куда лучше, чем «я не собираюсь дальше рисковать жизнью ради этой страны». Видишь ли, большинство монархов или им подобных почему-то расценивают подобное как недостаток лояльности и жутко обижаются. Мне стоило большого труда уговорить нашего доблестного генерала, но в конце концов, мы с ним пришли к общему знаменателю...

– Больших трудов? – поднял совершенно нехарактерным для японца образом бровь Накаяма, – Да ты из кабинета вывалился, выглядя еще хуже, чем в тот день, когда Эмберхарт-старший устроил проверочный экзамен по всем формам действующего этикета в Европе! А тебе тогда было 11 лет!

– Да, пришлось попотеть, – сделав вид, что не замечаю заинтересованного взгляда жены, я продолжил, – Хорошие

новости заключаются в том, что мы избавлены от необходимости принимать студентов Якудзёсейшин, Куросёбанаэн и Ясукарантей. Более того, можно считать всех студентов Гаккошими в академическом отпуске. Но преподавательский состав, как и клан Ирукаи, по-прежнему должны прибыть сюда через пару месяцев в качестве вспомогательного персонала. Мы будем превращать долину в укрепрайон, специализирующийся на подготовке младшего офицерского состава, а заодно способный служить базой подскока для имперских войск, если фронт сдвинется аж сюда.

Про то, что Камикочи со мной во главе является (а точнее станет в будущем) единственным защищенным местом, где без особых проблем смогут разгрузиться дирижабли, идущие из Европы через Сибирь, я озвучивать не стал. Мы находились на западе, в удобной точке, где шансы транспортного корабля напороться на зенитную или воздушную засаду были меньше всего. Как и то, что сейчас в Токио срочно снаряжали в дальний путь небольшой ярко-красный дирижаблик, чьей задачей будет как можно быстрее оказаться здесь. Государственные тайны знать демонам и женам всё-таки рановато.

– Поздравляю, Эмберхарт, – отсалютовал мне бокалом Накаяма, – У тебя есть все шансы выкрутиться, не замарав рук!

– О чем это вы, Накаяма... сан? – подозрительно щурясь заинтересовалась Рейко.

– Сущая безделица, Эмберхарт-сама, – вежливо улыбнулся ей демон, – Перед вашим мужем стояла сложная и неприятная задача разобраться с населением долины. Если хабитаты никому не мешают, исправно выращивая продовольствие, то жители самого Хагонэ, как и населяющие леса кланы та-нуки... лишние.

– Лишние? – прищур Рейко стал совсем уж суровым.

– Ненужные. Бесполезные, – поправился демон, – Часть населения заберут в солдаты, часть пригодится на стройку, но вот остальные...

– Можешь меня поздравить, Дарион, эта проблема решена, – с ухмылкой победителя заявил я.

– Когда ты успел отравить водопровод?! – тут же поинтересовался демон, вызывая у Рейко предобморочное состояние. Прежде чем я успел высказаться в свою защиту, зловредное существо добавило, – Эмберхарт, ты меня поражаешь. Я и раньше подозревал, что ты чересчур бессердечен даже для англичанина, но массовая резня ради комфорта в

личном домене...

– Да никого я и пальцем не трогал! – взорвался я, чувствуя, как падает моя репутация в глазах будущей матери моих детей, – Просто поделился с тай-сёгуном наблюдением, что женщины из автоматического оружия стреляют не хуже мужчин!

После этих слов на совете возникла мертвая тишина, в которой лишь изредка раздавались хлопки длинных ресниц Рейко.

– О... оу, – наконец, нарушил молчание демон, – Ох... Эмберхарт. У меня нет слов. И он купился?

– А куда ему деваться, когда под вопросом лояльность каждого отдельного полка? – развел руками я, – Ты себе представляешь, какой хаос царит сейчас в империи? Он мне даже договорить не дал. Это же, можно сказать, параллельная структура под его началом и управлением, которая будет полностью подчинена сегунату, если проконтролировать процесс создания!

– Ты чудовище... или гений, – резюмировал демон.

– Идея-то лежала на поверхности, – заскромничал я, пре-

красно помня фотографии прекрасных израильтянок с автоматами из другой жизни, где девушек записывали в армию наравне с мужчинами. Почему бы не быть и прекрасным японкам?

– Ариста! – в голосе жены прозвучала вся скорбь японского народа и поругиваемых мной с сегуном традиций.

– Держи, – я сунул коротышке в руки один из своих револьверов, а затем указал на Накаяму, – Представь себе, что у тебя нет никаких особых сил, а вот он – китаец, готовый тебя изнасиловать, убить и съесть. В произвольном порядке. Хотелось бы тебе уметь пользоваться оружием?

Мой поверенный тут же сощурил и без того очень узкие глаза, а затем распахнул рот далеко за гранью человеческих возможностей, демонстрируя Рейко ряды тонких иглоподобных зубов, видимо, для более правдоподобного изображения китайца-завоевателя. Жена, инстинктивно дернувшись, все-таки сумела не выстрелить, излишне быстро сунув мне оружие и задумавшись. То, что потомственная аристократка поймет, что идея ставить женщин под ружье для новообразованного сегуната... неизбежна, было лишь вопросом времени. Кроме того, идея «онна-буси» для японцев была вовсе не нова, но ранее боевым искусствам обучались лишь немногочисленные женщины знатных родов, лишенные дара прак-

тика эфирных техник. Расширить и углубить эту мысль на новый лад, доведя её до стройных шеренг вооруженных автоматами феменисток, марширующих в светлое будущее, у Рейко быстро не получится.

Поднявшийся с места Накаяма, тем временем, совсем не собирался садиться назад.

– У меня тоже есть новости, которые могут тебя порадовать, Эмберхарт, – заявил он, – С вами тремя желает познакомиться очень интересная личность. Мне была оказана честь передать вам приглашение на приём.

– Боюсь, что со светскими визитами нам пока придётся повременить, – пробурчал я, отпивая остывший кофе. Вкус у позабытой жидкости был... мстительным, поэтому я слегка не вник в произнесенную поверенным фразу. Все-таки осилив пару глотков, завершил свою мысль, – Сейчас нам нужно сидеть тихо и привлекать как можно меньше внимания, пока не придут составы с солдатами и новобранцами, а потом...

Конверт-приглашение резал глаз контрастом черноты плотной бумаги с тяжелым золотом оттиснутой печати, надежно закрывающей доступ к его содержимому. Большой, толстый и плотный, он напоминал не пригласительный билет на светский раут, а какой-то набор документов, плот-

но упакованный в чернильно-черную оболочку. Автоматом взяв необычную вещь из рук одержимого, я начал бездумно крутить её в руках, пока, наконец, мой взгляд намертво не прикипел к печати.

– Это что, шутка? – дрогнувшим голосом спросил я демона. Внутри моего черепа зашелся хриплой удивленной руганью Эйлакс.

– Все серьезно, Эмберхарт, – ехидно улыбнулся тот, вставая на всякий случай за высокую спинку своего стула, – Всё очень серьезно. Если бы ты дал себе труд задуматься...

– Но...

Договорить нам не дали. Дверь зала распахнулась, в помещение влетели три взъерошенные девушки с возбужденно сверкающими глазами. Эдна, Камилла, Момо. Каждая из них держала на изготовку своё излюбленное оружие, а за их спинами в комнату заглядывали встревоженные лица Перрсонов, через которых безуспешно пыталась протиснуться оглашающая все подряд руганью Регина. Инквизитор была изрядно потрепана, щеголяла порванной рубахой и изрядным фингалом. Что было еще хуже – с ножа Эдны, которой я приказал охранять рыжую в пункте связи, капала кровь.

– Неприятности, – тихо и печально буркнула Момо, – Снаружи.

Толпа горожан, пришедшие в сумерках осветить монастырскую площадь факелами, действительно выглядела как неприятности. Злобный шум раздраженного населения иногда дополнялась выстрелами пистолетов и ружей. Пули оставляли выщербины на стенах здания, в котором мы в данный момент присутствовали, а большинство слышимых воплей сводилось к одной простой мысли – «мы вас выгоняем».

– Убийцы!

– Ложный лорд!

– Император мертв!

– Убирайтесь из города! Убирайтесь из долины!

Несмотря на громкие и весьма смелые для японского менталитета крики, дела бунтующей толпы горожан были куда скромнее. Остановившись за пару десятков метров от здания, где мы квартировали, народ начал размахивать факелами и фонариками, продолжая изрыгать из себя вопли. Я бы назвал зрелище мирной демонстрацией, если бы не вжика-

ные прилетающих откуда-то из толпы пуль о камни неподалеку, что в корне меняло дело, а также подрывало мою веру в логику. Если ты пришел кого-то *прогонять*, то зачем *стреляешь*?

– У кого какие идеи о том, что происходит? – осведомился я, отправив одну из близняшек за своим малым арсеналом.

– Дорогой, – нервно обратилась ко мне дорогая женушка, аккуратно выглядывающая из окна, – Кажется, труп тануки, свисающий с луки твоего коня, вполне претендует на объяснение!

Действительно, часть незваных гостей в количестве десятка человек, сейчас аккуратно и боязливо подходило к моему коню, который действительно мог похвастаться замеченным женой украшением. Их поведение пробудило во мне дополнительный интерес.

– Нет, – покачал головой я, – Во-первых, это очень свежий труп. Я его сделал совсем недавно. Времени бы им не хватило организовать и вооружиться. Во-вторых, как ты правильно заметила, это – тануки, что автоматически исключает подданных империи из конфликта между хозяином земли и проживающими на ней существами.

– Незаметно, чтобы они исключались! – фыркнула коротышка, убирая голову из окна.

– Я знаю, в чем дело, – пропыхтела Регина. Она сидела на стуле в то время, как жена Хуго Перрсона со знанием дела накладывала ей повязки, пока сам муж копался в ящике с автоматами, вооружая старших детей. Рыжая утробно заворчала, когда шведка начала щупать её ребра, но затем продолжила, – Вчера после обеда в пункт связи нагрянули четверо местных. Наглые, с бандитскими мордами. Потребовали выметаться наружу, вроде как погулять, часа на три. Местные, что там работали, к этому явно привычны были, уже у дверей выстроились, когда я вышла.

– Ты их перебила что ли? – слегка удивился я.

– Нет, натравила твою блондинку, – кровожадно ухмыльнулась инквизитор, – В жизни не видела, чтобы девка моих размеров так пинала взрослых мужиков! Завидно! А я так смогу?

– Нет. И радуйся этому.

Я едва успел снять чехол с «директ-ора», как крики на улице сменили тональность на куда более истеричную. Сквозь прицел было хорошо видно, что добравшиеся до ко-

ня мутные личности захотели сдёрнуть с его луки мой трофей. В принципе, я бы не возражал быть ограбленным на одну енотью тушку, но у подаренного английским монархом скакуна было на эту тему не только своё мнение, но также вполне определенные установки, запиханные в его большую голову одними из лучших химерологов мира. Проще говоря, мое плотоядное средство передвижения уникального бледного окраса умело есть в свою голову не только обычную ежедневную порцию мяса в объеме десяти килограммов, но и десерт в виде мяса сопротивляющегося и визжащего, решившего, что оно может безнаказанно обокрасть владельца боевой химеры.

Привстав на дыбы, лошадь ловко расшибла голову одному из японцев передним копытом, тут же выполняя змеиный рывок вперед, чтобы впиться пастью в голову другому. Жестокий укус смял лицо и половину черепа за один жевок, заставляя заорать от ужаса как самих посягателей, так и горожан из толпы, наблюдающих за происходящим. Пока конь меланхолично жевал, что откусилось, другой из нападавших, отпрыгнув вбок, вытащил из-за пояса пистолет, начав методично всаживать пулю за пулей в бок коня, отступая при этом назад. Долго это не продлилось, выстрелом из ружья я заставил мужика захлебнуться воплем и упасть на землю, но потом пришлось срочно прятаться – по окну ударил град пуль.

– Что будем делать? – хмуро поинтересовалась сидящая на корточках Рейко, подперев себе щеку ладошкой.

Вопрос был далеко не простым. Быстрых решений проблем с этим бунтом было хоть отбавляй – Рейко, моя Тишина, да хоть «Григория» запустить. Только вот последствия таких решений мне не нравились совершенно, так как представляли из себя либо кровавую баню, либо «нападение на мирных граждан». Моя способность позволила бы всю толпу положить здесь штабелями бескровно, если Праудмур даст разрешение, но демонстрировать свой козырь условному противнику, имеющему доступ к холодному оружию, я не хотел. Оставался «Свашбаклер»...

– Лошадку жалко... – меланхолично пробубнила Момо, выглядывая в окно, в которое по-прежнему злобными пчелами влетали пули.

Химере приходилось несладко. Урезанных мозгов коню хватало, чтобы атаковать потенциальных воров и угонщиков, подошедших слишком близко, но вот понять, что ей причиняют вред из огнестрельного оружия на расстоянии, а также принять меры по предотвращению, она уже, увы, не могла, целиком завися от своего всадника. Сейчас, будучи под обстрелом едва ли не двух десятков стволов, конь мирно

и скупое истекло черным ихором, продолжая стоять на месте. А у его ног...

– Кто-нибудь может отличить тануки от человека?! – возбужденно рявкнул я, перезаряжая винтовку.

Вопли толпы снова изменились, в стане неприятеля начались конфликты. Что же, логично. Возле моего расстрелянного коня трупов людей не лежало – одни лишь истерзанные меховые коврики Иных-енотов. Вот тебе и отгадка на загадку. Одна из самых знаменитых способностей этих наглых существ в умении очень точно копировать любой человекообразный облик. Причем, данное копирование не является иллюзией, а представляет из себя полноценный образ из псевдоматерии, которую тануки берут из неизвестного источника.

– Тануки непревзойденные мастера маскировки, – монотонно пропыхтела печальная жена, – Отличить их совершенно невозможно. Видимо, придётся мне...

– Не придётся, – поняв, что подумала Рейко, утешил я её, одновременно отгоняя от окна прущую на позицию стрельбы госпожу Праудмур, – В крайнем случае я просто залезу в СЭД и всех разгоню.

Коротышка, отнюдь не желающая жарить относительно мирных и уж точно почти беспомощных сограждан молниями, тотчас повеселела.

– «Внешне они неотличимы, но души другого оттенка», – самодовольно заявил слышимый лишь мне Эйлакс, – «Только вот не понимаю, почему твой приятель молчит. Он определенно их видит»

– «Думаю, ты сам вскоре у него сможешь поинтересоваться», – заставив внутреннего демона издать звук, похожий больше всего на испуганную икоту, я попросил, – «Укажи мне цели».

Эйлакс никогда не отказывал, если мои просьбы не предполагали трату его энергии. Не то чтобы мой случайный попутчик был добряком, но он точно был джентльменом, знающим, что скромные просьбы хозяина тела, которое он не раз подвергал смертельной опасности, лучше всего удовлетворять, пока этот самый хозяин не начал изучать популярные экзорцизмы. Ну, как минимум, я постарался его убедить в том, что отпрыск семейства Эмберхарт, Древнего рода, имеющего долгие и плодотворные связи с местным Адом, экзорцизмов выучить не успел.

– «Этот, этот... вот этот. И этот. Да что я тебе говорю!

Все, у кого в руках оружие или татуировки якудза – тануки!»

Выстрел. Перезарядиться, вкусно щелкнув затвором. Выбрать из потенциальных мишеней ту, рядом с которой меньше всего людей. Прицелиться. Снова выстрелить. Фигурка расхристанного амбала, свирепо орущего на ежащихся перед ним людей, медленно сгибается, получив солидную точную плюху из «директора». Я этого не вижу, шагая к другому окну, но знаю, как себя ведут живые с таким пулевым ранением. Вновь повторяю операцию, заставляя следующего притворщика истощно визжать, прижимая руки к окровавленному паху. В трети случаев мажу, несмотря на расстояние, но продолжаю двигаться как метроном. Тануки, застигнутые посреди застопорившихся переговоров с местным населением, мечутся. Часть из них палит в дом, как в копеечку, часть размахивает оружием перед носами людей, определенно пытаясь заставить идти их на штурм. Тщетно.

Толпа отступает. Не убегает, в панике, как три дня назад, а просто пятится, оставляя после себя потухшие факелы, разбитые бумажные фонари и... едва заметные в сумраке маленькие тушки енотов. Сейчас я готов поблагодарить мать-её-природу за то, что наделила енотов крайне скудным чувством страха, заменив его не всегда срабатывающей осторожностью – замаскированные Иные, которым так и не хватило духу открыть по людям огонь, продолжают падать от

моих выстрелов, хотя... вроде бы мне кто-то начал помогать из домочадцев? Ничего, сейчас уже можно.

Через десяток минут я и Камилла с Эдной уже безбоязненно вышли на опустевшую площадь. Пару последних тануки, грозивших мне кулаками издалека, сняли выстрелившие дуплетом Рейко и Регина. Сама же моя супруга, одетая, в отличие от меня, лишь в простую одежду из шелка, выходит во двор поостереглась, наблюдая из окна, как мы втроем ходим впотьмах, собирая тушки тануки. Последних я насчитал аж четырнадцать и собирался употребить по назначению, скормив уныло стоящему коню, дырок в котором хватило бы на сотню человек. Жизненно важные органы в моей ездовой химере были дополнительно защищены сращенными в единый костный каркас ребрами, так что шансы продолжить свое безрадостное существование у нее были довольно высоки. Особенно после плотной кормежки.

– Я не хочу, чтобы ты считал меня занудой, дорогой, – исключительно вредным голосом почти пропела Рейко из окна, – Но твои уверения в том, что с тануки ты разберешься, не пролив крови, не выдерживают никакой критики!

– Знаю, милая, – я извиняющимся жестом развел руками, в каждой из которых болталось по трупiku енота, – Но они первыми бросили в меня камень!

Глава 5

– Единогласным решением совета города Хагонэ, мы отказываемся подчиняться неизвестным, объявившим себя представителями инквизиции и сегуната. Я, мэр Вакаба Нори, беру на себя всю полноту ответственности за это решение. Вам, Эмберхарт-сама, и всем, кто с вами прибыл, надлежит немедленно покинуть пределы города!

На демарш ветхой и древней старухи, всюю пытающейся изобразить передо мной непреклонность истинного самурая, я сказать мог столько всего, что просто потерялся в выборе. Тут было и предательство воли почившего императора, и нарушение конкордата Заавеля, и пренебрежение распоряжением сегуната. Простую наглость тоже не стоило списывать со счетов, так как в плане боевой мощи моя маленькая слаженная свита была как несколько драконов среди стада овец. Причем, драконов уже раздраженных. Пока я размышлял, что ответить легитимным представителям власти в виде мэра и его помощника, которые изо всех сил пытались сделать вид, что не являются парламентарями от враждебной стране группировки Иных, слово взяла Рейко.

– Матсубара-сан, – с недоверием в голосе обратилась она к здоровенному волосатому японцу, – Правильно ли я услы-

шала? Почтенная Нори-сан не ошиблась в выборе слов из-за своего, вызывающего всяческое уважение, возраста?

Лицо толстяка задеревенело под хруст выпрямившейся спины бабки, но особого впечатления на кого-либо они произвести не могли. Восточникам вообще свойственны такие формулировки речи, где мягкость и наглость легко переплетались в самые противоестественные позы. В данном случае, старушка, жить которой осталось совсем недолго, пыталась веником и апломбом прогнать танк.

– Ваш юный возраст может мешать понять, Эмберхарт-сана, – довольно нагло начал бледный от страха здоровяк, – Вчера вы ничего не добились, кроме того, что разозлили все кланы тануки долины. Они могущественны, они умеют превращаться, они никому не позволят хозяйничать здесь. Вы не сможете от них защититься и не сможете их победить. А если сможете вы, то не смогут ваши люди. Это ваша вражда, не наша. Город не должен в этом участвовать, мы мирно жили с тануки...

– Жили? – голос Накаямы прозвучал резко, холодно и ехидно, – А за счет чего, собственно, живёт Хагонэ, уважаемый мэр? Уважаемый заместитель мэра?

Город, являвшийся в далеком прошлом неплохой тури-

стической достопримечательностью, давно уже не мог похвастаться популярностью – горячие горные источники оказались оккупированы огромным количеством обезьян. Хагонэ ничего не производил, ничего не отправлял на экспорт, зато регулярно закупал пищу в располагающихся в Камикочи хабитатах. Да, сами продукты были безусловно дешевы, но всё равно вопрос, откуда берутся тут деньги, возник в самый неудобный для местного самоуправления момент.

И ответа мы не дождались. Сидящие напротив меня люди чуть не с цепи сорвались, принявшись нам расписывать ужасы и горе, которым мы обязательно подвергнемся со стороны могущественных и таинственных еотов.

– Обоих под арест, – вяло махнул я рукой Момо и близняшкам, – Бабушку в камеру потеплее, господина Матсубару на допрос. Через неделю тут будут представители сегуната, а через еще пару – полк солдат. Я хочу знать, где находятся деревни кланов Иных в этой долине. На моей земле. Момо, слушаешь господина заместителя?

Старушка глухо вскрикнула, хватаясь за сердце, а трясущийся Матсубара Казухико попытался вскочить на ноги, что мужику катастрофически не удалось. Просочившаяся гибкой змейкой к нему вплотную Момо резко ткнула японцу пальцами под подбородок, хлестнула другой кистью руки по

глазам, а затем, когда он упал на четвереньки, звонко хлопнула ладошками по ушам. Полностью дезориентированный мужик свалился кулем на татами, не зная, за что хвататься, но завывая при этом как медведь с отдавленными яйцами. Я готов был поспорить на что угодно, что волновался он отнюдь не только за себя. Отличный намек, с чего начать копать Накаяме, пока мы будем разбираться со всем остальным.

Пора нанести ответный удар.

Обслуживание арсенала здорово успокаивает, особенно если он у тебя состоит практически из произведений искусства. Разобрать револьверы, любовно смазывая всё, что должно быть смазано, удаляя ветошью излишки, проверить пружины, перебрать ременную систему кобур, проверить патронташи. Нож-бабочка, что я всегда ношу в рукаве, длинный меч и трость с головой ворона обихода практически не требовали, но вот ножны и ручной браслет получили заслуженное внимание. Несколько ампул с эликсирами и вытяжками на самый крайний случай и четыре противопехотные гранаты «АПГ-01» также были протупаны и осмотрены со всех сторон. Охотничий костюм, прошитый «ирландской паутинкой», не вызвал нареканий, как и довольно теплая английская шапка с «ушами», предоставляющая отличную защиту голове. Превосходно...

– Ты злой... – тихо заметили сзади, обхватывая меня руками в районе куда ниже талии, – Я давно не видела этих белых полосок. Почему ты так злишься?

– В основном? – хмыкнул я, – Из-за коня. Эту химеру мне даровал сам Генрих Умеренный. Поэтому я слегка обижен на расстрелявших его личностей. А обиду долго хранить не рекомендуется, жена моя. Мечь – это блюдо, которое нужно подавать холодным, но нигде не сказано, что я должен долго помнить эту кучку. Они этого не заслуживают.

Грустно, но факт. Исправно сожравшая все трупы тануки лошадь тихо преставилась через пару часов. Для меня, как для достойного члена общества, остро нуждавшегося в личном транспорте, это стало настоящей трагедией, которая особо остро ощущалась здесь, в горной долине на краю света. К сожалению, даже многолетние усилия лучших английских вивисекторов и химерологов не смогли вывести химеру, способную гарантированно пережить несколько десятков пулевых отверстий, часть из которых была проделана с помощью вполне крупнокалиберного оружия.

В общем, я был расстроен и планировал вернуть енотам должок.

Мой изначальный план действий в Камикочи был проще чашки отварного риса – есть имперские субъекты, есть деревни в лесу, есть я. Мы все могли бы жить мирно и счастливо, пока енотьи морды не суются в мои дела, а городские и хабитатские власти во всем подчиняются Регине. Немного наивный и инфантильный ход мыслей, но при этом хороший компромисс, максимально учитывающий как мои, так и чужие интересы. Опирался он на жесткую традиционную иерархию и законопослушность японского народа, так что имел все шансы увенчаться успехом... до того момента, как сюда придут мои наемники. К сожалению, реальность оказалась совсем иной. Это требовало иных методов по развитию событий.

– Хотя, с другой стороны, а какая альтернатива у меня была? – вслух озадачился я, – Разрушить полгорода во имя исполнения условий конкордата? Так у нас просто нет людей, чтобы задержать остальных, когда они начнут разбегаться...

– Иногда правильных решений просто нет, – озвучив эту философскую сентенцию, Рейко бедром и руками меня начала отпихивать от оружейного походного верстака, собираясь заняться своими пистолетами. Бросив на меня взгляд искоса, жена улыбнулась и сказала, – Иди, поговори с Дзюбем, а потом сделай, что хочешь. Мы будем ждать.

Разговор с гигантским котом выдался нелегким. Соранеко, не раскрывший ранее большей части деталей беседы, что провел ранее с представителями тануки, прижимал уши, пыхтел и всячески выражал негатив по поводу того, что я задумал, только вот сам ничего дельного предложить не мог. В конечном итоге наши споры разбудили клевавшего носом жреца, который, задумчиво почесавшись, изрёк, что местные своим поведением определенно заслужили кару от божественных сил, но раз его бог не имеет этих самых сил достаточно, то ноша определенно должна быть возложена на того, у кого они есть. То есть меня. Ну а насчет способов, ухмыльнулся Кавагура, так всё совсем просто – какой спрос с обычного человека? Мы же, люди, существа простые – чем можем, тем и бьем. Дзюбею оставалось только лечь на пол, закрывая толстенными лапами уши и признавая поражение.

Матсубара Казухико, гордый отец и заместитель мэра, храбрился изо всех своих невеликих сил, будучи привязан к стулу и угнетен стоящей напротив него Момо, бесстрастно взвешивающей на пленника.

– Эмберхарт-сама, прекратите этот фарс! – взвыл пока еще нетронутый мужик при виде заходящего в келью бывшего монастыря меня, – Если родные меня не дождутся, то против вас поднимется весь город! Вы правда будете воевать

со всей долиной?!!

– Кто сказал, что мне нужно будет воевать? – пожал плечами я, закуривая, – Матсубара-сан, знаете, какое последнее повеление отдал мне Его Императорское Величество Таканобу? Уничтожить город. Не жалкую и бессмысленную пародию на хабитат, что мы имеем здесь, а Театр Игрушек. Знаете, за что? Мастера города не оправдали надежд японского народа. А ваш Хагонэ, открыто выступивший против воли империи...

– Вызовите комиссию! – тут же попытался юлить связанный мужчина, – Солдат! Мы требуем суда даймё! Мы имеем право!

– Ни один даймё теперь не имеет юрисдикции над Камикочи. Да и я сам не буду с вами возиться, – покачал я головой, – Не хочется. Хагонэ, в той форме, что есть сейчас, все равно бы пришёл конец. Если вы сами подарили мне возможность решить всё жестко и быстро, то я ей воспользуюсь. От вас мне требуется лишь одно – сообщите мне, где находятся деревни шести кланов тануки. Сделаете это, и я вас оставлю в покое до самого суда, Матсубара-сан.

– Черта с два! Катись к демонам! Думаешь, я тебя боюсь? Думаешь, боюсь за детей?! Да ты и в кошмарах не сможешь

себе представить, на что способны тануки, щенки! Их тысячи! Тысячи! – забрызгал слюной мужчина. Толстые губы японца тряслись, заросшие толстым черным волосом пальцы судорожно сжимались и разжимались, глаза бешено вращались в орбитах, – Когда обезьяны отобрали наши источники, город начал умирать! Всем было плевать! Даймё не прислал ни единого солдата! Мы...

– Еще раз повторяю, – вздохнул я, вклиниваясь в бессвязный монолог мужчины, брызгающего слюной, – У меня нет времени или желания вникать в то, что происходило в долине ранее. Разговор с вами и тот – излишество, которое я позволяю потому, что кое-кому нужно было подготовиться...

Регина вошла серьезная и сосредоточенная. Одета в кожаный передник поверх каких-то обносков, рыжая тащила в руках поднос, наполненный колюще-режуще-дергающими средствами оперативного воздействия на человеческие организмы, отказывающиеся сотрудничать. Поставив поднос на пол, она принялась сноровисто увязывать гриву своих рыжих волос в пучок на затылке. Внимания на резко потерявшего смелость Матсубару она обращала меньше, чем надохлых мух в паутине, закрывающей крошечное окошко кельи. Приготовившись, инквизитор начала сноровисто надрезать одежду заместителя мэра, умело выдирая лоскуты через

кольца веревок.

– Я расскажу всё, что знаю, – пробормотал бледный как полотно мужчина, испуганно дергаясь каждый раз, как рыжая тащила на себя очередной кусок ткани, – Расскажу всё! Только увезите мою семью отсюда, дайте гарантии их безопасности!

– Тебе же сказали, что у нас нет времени на ерунду? – Регина заглянула в глаза пленнику, – А теперь давай поговорим о вещах, которые интересны мне и лорду...

Интерлюдия

Двухметровый широкоплечий доспех уходил неспешно, изредка попыхивая тонкими струйками пара из плечевых сочленений. Когда-то впервые увидевшая эту машину Рейко ей искренне восхищалась, несмотря на то, что рядом с работающим СЭД-ом чувствовала она себя крайне неудобно. Её поражала угрожающая гладкость и совершенство форм этой машины, её внушительный, но вместе с тем лаконичный вид. После визита в Колыбель Гениев силовой доспех был сам на себя не похож – со всеми наваренными на него грубыми крюками и зацепами, но у мужа не было ни малейшей возможности вернуть внешний вид силового доспеха назад. События происходили с такой скоростью, что ни о каком контроле

над ними не могло быть и речи.

Впрочем, Рейко уже почти привыкла к происходящему вокруг безумию. Не как к новой норме, а как к затяжному бою, где на тебя лезут то лучники, то копейщики, то нужно стеречься автоматной очереди, то ножа в спину, то предательства... Её муж, Алистер Эмберхарт, вновь уходил один. Куда-то. Он не рассказал, что собирается сделать, не объяснил, зачем уносит с собой труп своего страшного коня, не оставил ей инструкций. Просто попросил держаться, пока он не вернется.

Это легко. Рейко будет ждать. Она уже ни один и не два раза видела, как длинный и худой юноша, с которым она решила связать свою судьбу, уходит куда-то, чтобы потом вернуться. Израненным, напичканным снадобьями, прошедшим на волосок от смерти и колдовства, но всегда с победой. А им нужно лишь его дожидаться назад.

Девушка будет смотреть, пока спина силового доспеха её мужа не скроется с глаз, а затем начнет отдавать распоряжения тем, кто вместе с ними прибыл в этот запаршивевший пока еще неясным заболеванием город. Шутки кончились, не начавшись, чему очень хорошо свидетельствует вид перемазанной чужой кровью красноголовой прищепки. Успокоить и вооружить белоголовых, сообщив им, что вскоре сюда

прибудут дополнительные силы, и шведы смогут найти себе место безопаснее, дать этим Перрсонам гарантию, что Эмберхарт-сама оплатит им дорогу в другие земли. Да, они простые нахлебники, но Рейко уже частично понимает, как рассуждает её муж – взяв ответственность, её нужно нести с честью. Ровно так, как он поступил, отправив двух своих вернейших слуг в безопасность внешнего мира.

«Вернется, и я с него не слезу» – твердо решила Рейко, предвкушая грандиозный, но совершенно мирный скандал, который она устроит Алистеру, когда всё, наконец, утрясется. Пару раз утратившая бдительность девушка уже получала вместо нормального дома какую-то гробницу, а разворачивающиеся вокруг события то и дело грозили, что эта совершенно идиотская тенденция будет повторяться раз за разом, и Эмберхарт будет стараться запихнуть её в место, соответствующее его нормам по безопасности. На секунду мысли молодой жены вильнули слегка не в ту сторону, предоставив ей красочную картину того, как еще она может *не слезать* с мужа, от чего щеки предательски полыхнули огненным румянцем! Взяв разошедшееся воображение под контроль, японка направила излишки выработанной энергии на негодование другого рода. Дом!

Сколько можно-то! То механическая мастерская, то врезанная в скалу тюрьма, то еще какая-нибудь дрянь образу-

ется! Она хочет дом! Поместье! Нормальное скромное жилище для небольшого рода, десяток слуг, полсотни охраны. Ничего особенного, всё по минимуму, хотя они могут претендовать на куда большее! Ну... можно, конечно, стены возвести большие, толстые и высокие, но перед такими стенами очень легко высадить несколько деревьев, чтобы они стали не видны и не оскорбляли взор! Да и фундамент крепос... поместья, она сказала! Поместья! Фундамент можно поднять метра на три...

Когда в воображении Рейко вместо вишневого сада предстали венчающие крышу стволы противовоздушных орудий, она зарычала, начав пинать ни в чем не виновный стол.

– Госпожа злится? – тихим невыразительным тоном осведомилась подкравшаяся к коротышке Момо.

– Госпожа хочет поубивать всех колдунов, волшебников, китайцев и прочую дрянь, а потом сесть в шикарном дворце и нарожать кучу детей! – рывкнула коротышка, чей светлый образ уютного семейного гнезда даже в воображении дал трещину до самого фундамента.

– Идемте...

– Куда?!

– Там... пришли.

Перед своим уходом Алистер всё-таки рассказал Рейко, что он узнал в городе и от этой волосатой наглой свиньи Матсубары. Изначально, когда муж был в Хагонэ, он неверно понял информацию, вытрясенную из одного горожанина. Тогда запуганный происходящим и отдельно гайдзином японец выдавил из себя, что тануки Камикочи ведут в городе дела через *гокудо*. Якудзу. Алистер предположил, что местные крутят какие-то совсем уж нелегальные бизнесы с Иными, из-за чего они друг друга давно и надежно прикрывают. Все оказалось куда хуже – вся местная община преступников состояла из тануки. Идиотов, неудачников, отщепенцев и опустившихся принимали в другую организацию, носящую гордое наименование «полиция». Ну а те, кто не мог справиться с ролью шатающегося по улицам человека с дзютте и пистолетом... просто исчезали.

И вся эта компания была довольна положением дел ровно до тех пор, пока громада «Клаузера» не зависла над этим городом.

Иные, в чьих жилах течет слишком мало человеческой крови, с трудом и недолго переносят жизнь в людских городах. Они нуждаются в совершенно другой атмосфере, ча-

ще всего природного или подземного типов. Чем старше лес, чем гуще наполняющая его смесь эфира и жизненной силы растений, тем комфортнее в нем телам существ, бывших когда-то духами. В Хагонэ на постоянной основе жили лишь самые слабые и увечные тануки, а также их немногочисленные полукровки. Именно они вчера и попытались натравить толпу горожан на них с Алистером.

Сегодня, здесь и сейчас, они вернулись с подмогой из родных лесов.

Рейко несколько раз пальнула в окно из своих короткоствольных револьверов, тут же пускаясь бежать к другому окну. Оттуда она тоже выстрелит пару раз, а потом вновь переместится. С крыши произведет несколько очередей специально посаженный и заинструктированный ей подросток Пиррсонов. Еще постреляют дочери белоголового шведа, японка даже не запретила им целиться. Единственная, кому нужно попасть хотя бы пару раз, красноголовая Регина, сделает это потом, когда основная толпа трансформированных в людей тануки, злобно подбадривающих друг друга воплями, полностью вылезет на площадь.

Все это время большая часть сидящих в обороне будет бестолково бегать и орать кто во что горазд, приятно будоража инстинкты маленьких хищных зверьков, научивших-

ся преобразаться в людей, но не победивших собственную природу.

Через несколько минут пальбы и суеты Рейко удовлетворенно подумает о том, что её муж прекрасно разбирается в стрессовой психологии разумных. Тануки в облике людей с татуировками якудза, несущие с собой пистолеты, ружья, ножи и несколько автоматов, будут жаждать крови за убитых накануне сородичей, но так как драться по-человечески не умеют, обязательно воспользуются самым предсказуемым шаблоном, а именно – попытаются как можно быстрее проникнуть в дом, чтобы обезопасить себя от летающей девушки с молниями, которую ранее видело полгорода. Разумеется, на первой стадии они будут медлить, оценивая силы тех, кто остался в доме после того, как идиот в блестящей броне куда-то ушел, но если сочтут эти самые силы ничтожными, то храбрость енотов не будет знать границ.

Так и случилось. Опасаясь выстрелов из окон, все силы тануки, в количестве полутора сотен Иных, скопились прямо под стенами занятой Рейко обители, а затем начали предпринимать попытки взобраться по спинам собратьев и элементам кладки до окон третьего этажа, который девушки и Пиррсоны оставили не забаррикадированными. Именно в этот момент госпожа Праудмур, военный комендант города Хагонэ, отдаст приказ, повинувшись которому расположив-

шийся на крыше парень зажжёт факел, подавая сигнал.

Гримм никоим образом не смог бы поместиться в помещениях, рассчитанных на проживание японских монахов. Он слишком велик и слишком тяжел. Зато, в одном из грузовых железных контейнеров, содержащих имущество Алистера Эмберхарта и его жены, сервус поместился прекрасно.

И не один. Сервусу нужно будет просто распахнуть дверцы контейнера, как только он увидит яркий огонек на крыше в оставленную ему щелочку.

Мобильный автоматронный штурмовой дот, вооруженный двумя крупнокалиберными пулеметами, вылезет из контейнера, взяв на прицел скопившихся под стенами. Или сначала возьмет, а потом вылезет? Разумеется, никто, кроме оглянувшихся тануки не смог бы сказать, что первым сделал боевой эфирный робот – шагнул вперед, взял на прицел или открыл огонь, но порядок его действий был последним, что кого-либо волновало. Для полутора сотен тануки, скучившихся под каменными стенами одного из зданий бывшего монастырского комплекса, никакой разницы не было.

Они просто начали умирать.

Инструкции, которыми снабжали «МАШД-11/25», экс-

портируемый в качестве охранного автоматрона, накрепко запрещали использовать машину без процесса предварительного обучения, в которое входило знакомство с охраняемым периметром и нюансами территории вроде вспомогательных зданий. Без этого обучения «Григорий» представлял из себя чрезвычайно опасную боевую машину, которая, преследуя цель, могла покинуть охраняемую территорию, начав представлять опасность для окружающих, распознаваемых его сенсорами, как враждебные цели. Проще говоря, по объяснениям Алистера, активированный «Григорий» просто-напросто будет убивать всех незнакомцев, которых встретит на своем пути... если его отпустить «на волю».

Толпа тануки великолепно справилась с ролью незнакомцев. Русская боевая машина, несмотря на присущий всем автоматронам дефицит интеллекта, определила перед собой высокую концентрацию целей, инициировав вторую из доступных ей тактик ведения боя. Два 14-мм пулемета, чаще всего используемых «Григорием» в паре, разошлись на шарнирах на максимально возможное для конструкции расстояние, а затем, после открытия огня, начали сдвигать свои дергающиеся от отдачи стволы к центру основной массы разумных.

Рейко даже зажмурилась, чувствуя, как дергается здание от попаданий. Мощное и гулкое стакатто пулеметов авто-

матрона заглушало все прочие звуки, среди которых вопли ужаса быстро менялись на предсмертные хрипы и бульканье. Свидетелем идущей бойни мог быть Гримм, но бывшая Иеками была уверена, что чрезвычайно миролюбивый сервус испуганно юркнул назад в темный контейнер, да еще и глаза себе руками закрыл, чтобы точно не видеть разлетающихся на куски разумных.

«Милая, машина будет стрелять где-то 30-40 секунд» – вспомнились ей слова мужа, – «Потом у него кончатся патроны. Скорее всего, все выжившие еноты к этому времени трансформируются в свою звериную форму, это у них «инстинкт побега» по словам Дзюбея. Прежде чем вы с девчонками начнете веселиться, я прошу тебя отключить «Григория». Черт его знает, какие у него боевые директивы, нам не нужно, чтобы он передавил полгорода, пиная людей ногами»

Конечно, не нужно.

Пулеметы закончили молотить, а Рейко, отряхнув голову от нападавшей с потолков пыли, внезапно подумала о том, что бы было, если бы автоматрон бил по традиционному японскому дому. Тяжело сглотнув, девушка пообещала себе обязательно все еще раз продумать насчет будущего поместья, а затем... вылетела из окна в полу-полете полу-прыжке, спеша отключить воинственную русскую машину. Следом за

ней, под агонизирующие визги израненных и шокированных тануки, тремя почти невидимыми в сумраке тенями вперед рванули гибкие девичьи фигурки, держащие в руках ножи.

Осада не удалась, но защищавшиеся были твердо намерены исправить вечер, превратив его в успешную охоту.

Глава 6

– «Я прожил очень долго, но никогда не подозревал, что найдется песня, способная вызвать у меня тоску и удушье всего за четыре куплета, пусть и одинаковых», – недовольно проговорил мой внутренний демон, излучая сложносоставную, но слабую гамму эмоций, – «Может, прекратишь?»

– «Ну, это поле, и мы по нему идём. С конем...», – оптимистично думал я в ответ, – «...и мы тут одни, так что ничего более уместного придумать невозможно».

Сам «Свашбаклер», немного не дотягивающий до статуса произведения искусства среди силовых эфирных доспехов, был хорош. Очень хорош. Более того, будь под него разработаны нормальные системы вооружения, цена подобного доспеха была бы куда больше, чем за всю Камикочи вместе с населяющими её людьми, располагайся та в Халифате, но... идеальным доспех не был. Размещенный на гор-

бу «Свашбаклера» эфирный двигатель активного сбора едва-едва обеспечивал базовые нужды бывшего тренажера английских принцев, что позволяло использовать доспех по прямому назначению, но не в ситуации, которую я себе со-здал. Проще говоря – перемещаться в СЭД-е с весящим тонну трупом ездовой химеры я мог лишь медленно и печально.

Это было... невыносимо скучно. Настолько, что я по дороге растерял все свое раздражение, которого накопились какие-то совсем уж невиданные запасы. Мысли в основном начало занимать переданное мне Дарионом Вайзом приглашение на... прием, отказаться от которого было невозможно. Медленно передвигая ноги, я гнал механизм вперед, одновременно делясь этими самыми мыслями с Эйлаксом, который целиком и полностью разделял мои тревоги насчет приближающегося мероприятия.

Проблемы, связанные с Камикочи, тоже требовали внимания, но наглость местных людей и Иных, все-таки решивших на голубом глазу тихо-мирно взбунтоваться, перевесила чашу моего терпения. Вообще, еще самые первые, самые ранние преподаватели истории, этикета и делопроизводства мне всю твердили, что правитель, насаждающий свою власть силой и страхом, подобен варвару на королевском приеме. Даже если он добьется успеха, жестокого поведения ему не простят ни те, кого он нагнул, ни те, кто его

окружает. Власть, особенно легитимная, должна быть взята тихо, уверенно и за самое нежное место.

...только вот мои преподаватели не предполагали, что их воспитанник может оказаться на месте полноценного лорда, начисто лишённого окружения. Их рецепты, вроде «создайте военное присутствие в регионе при помощи личных сил и наемных отрядов», были совершенно неработоспособны в местных реалиях. У меня есть револьвер и пара демонов, дальше что, уважаемые?!

Отойдя от Хагонэ на пару километров в заросшее веселенькой травкой поле, я с облегчением свалил труп химеры на землю. Летающий широкими кругами у меня над головой Арк показывал, что ни одно живое существо следить за мной не взялось. Хорошо.

Приступаю к фазе один.

Созданные одним очень необычным японским школьником гибриды меча и револьвера вполне справились с работой чертежного инструмента. Получалось даже лучше, чем если бы я воспользовался кругом в Зале Владык, который и так был сейчас недоступен. Несмотря на острую нехватку времени и глобальность поставленной перед собой задачи, сейчас я не спешил, тратя несколько часов на вырезание сложного

круга символов, в просторечьи называемого пентаграммой. От нее он был дальше, чем Эйлакс от «Григория», но раз двухмерный конструкт для вызова демонов называют пентаграммой аж в нескольких мирах, то кто я, чтобы это просвещать неучей? Да и произносить «тессеракт, вписанный в цилиндрический каскад тетраграмматонов по правилу Буэра-Ризенхольда» нужно только в очень-очень узком кругу людей, понимающих, о чем идет речь.

Обитатели местного Ада, называемые демонами, эволюционировали весьма отличным от людей образом, чем-то напоминая детенышей гигантских галапагосских черепах. Кроха, которую после рождения может сожрать любой краб, должна была пройти долгую и полную опасностей дорогу, чтобы вновь вылезти на пляж для уже своей яичной кладки сумрачным тяжеловесным гигантом. Также и демоны проходили множество стадий и трансформаций, прежде чем становились умными и крайне опасными существами вроде того же Дариона Вайза. Пожирая себе подобных, демоны достигали потолка энергетической насыщенности собственного тела, затем претерпевали метаморфозу, позволяющую им раздвинуть свой резерв. Преобразиться. Цикл повторялся раз за разом, пока нахапанные демоном информационные клочки чужих энергетических оболочек не трансформировались в подобие разума, который так же будет улучшаться и изменяться вместе с дальнейшими метаморфозами.

В данный момент меня интересовало существо, почти готовое обрести полноценный рассудок за счет растраты большей части накопленной им энергии: хеллхаунд.

Если вспомнить 90-ые годы России прошлого мира, то хеллхаунды, они же адские гончие, заняли бы место братков в малиновых пиджаках. Гении первоначального накопления капитала, сиречь пожирания – четыре ноги, туловище и кусалка-жралка спереди. Сила есть, а теперь нужен ум, чтобы распрямиться, начав использовать лишь две лапы для ходьбы. Нарисованная мной многограмма-контракт предлагала заинтересованному демону миновать несколько стадий роста за счет недолгого пребывания в реальном мире с ясно указанными параграфами ожидаемых от одного демона действий.

Если подытожить всю совокупность моих действий слегка оккультного характера в одну простую фразу, то она сложится в совет: *никогда не злите демонолога в его личном домене*.

Разумеется, я, не состоя более на официальной службе в местном Аду и не являясь более *тем самым* Эмберхартом, никак не мог приказывать демонам или взывать к потусторонним силам на безвозмездной основе. Но вот заключить вполне обычную сделку мне ничто не мешало. подгото-

вив вызываемому тело и гарантируя вкусную и здоровую пищу, я ограничивал его лишь в территории, времени нахождения и видовой принадлежности будущей диеты, в остальном предоставляя полную свободу творчества.

Жаль, что таким образом нельзя наштамповать себе армию. Полуразумные сущности с удовольствием сожрут призывателя или друг друга, стоит колдуну начать заигрывать с условиями призыва. Техникой безопасности даже такой вызов хорошо ограниченной твари не поощрялся никак, но я был достаточно уверен в своих силах, чтобы рискнуть. Ну, точнее – в силах СЭД-а.

Дохлая лошадь мелко затряслась. Нанесенные на её большой голове знаки, которые я вычертил своей кровью, кратко вспыхнули, осыпаясь пеплом.

Глаза существа распахиваются, бессмысленно глядя в никуда. Пока что. Следующие полчаса придётся провести рядом с «новорожденным», охраняя его почти беззащитное тело, дергающееся в припадках, пока потусторонняя тварь будет в полнейшем недоумении осваивать доставшееся ей тело химеры. Затем мой бывший конь встанет, слегка набычась на безмолвно стоящую фигуру «Свашбаклера», внутри которого буду скучать я. Скоро, очень скоро этот зомби захромает, подчиняясь моему послы, отправляющему его в точку, куда

я приду далеко не скоро. Мы с лошадкой теперь будем работать в разных направлениях. Наверное, я даже не узнаю его при следующей встрече, если она состоится. Демоны весьма скаредны, когда вопрос касается энергии, поэтому в обязательном порядке пускают излишек, что не могут переработать, на улучшение своего временного вместилища.

– «Песня, вопрошающая слушателей о том, кто выпустил собак, будет, конечно, поживее твоего предыдущего завывания, но ради всего сущего, заткнись, Алистер!» – рыкнет Эйлакс, – «Я тебя не узнаю!»

Эх, не может он понять всей радости английского джентльмена, идущего на войну против сверхъестественных еотов.

СЭД, лишенный нагрузки в виде дохлой лошади, бодро отмахивал шаг за шагом под неумолкающий треск подлеска. Мой совокупный с доспехом и ЭДАС-ом вес был около четырех сотен килограмм, поэтому с прокладыванием маршрута я особо не заморачивался, увертываясь лишь от деревьев толщиной больше телеграфного столба. Скрытность перемещения, как и возможное обнаружение неприятелем, также не волновало – потому что я был в танке. Сама идея о том, что в лесах Камикочи может найтись нечто, способное пробить гладийную броню «Свашбаклера», была совершенно несо-

стоятельной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.